

0-79

В. Осеева
**Простое
дело**

Детгиз ~ 1960

~~48057~~

~~4227~~

79

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

В. Осеева

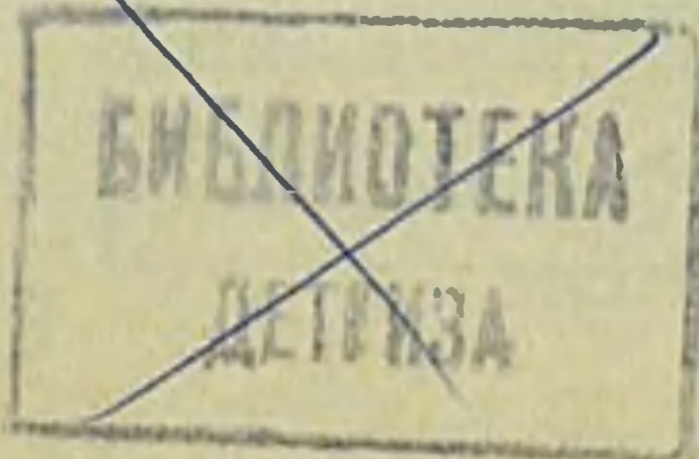

Простое
дело

Рисунки М. Горшмана

48054

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1960

47
77

48057 42027

694488 КХ ред

Российская государственная
детская библиотека

«Трудно растёт человек», — говорит учитель Сергей Николаевич в повести «Васёк Трубачёв и его товарищи», которую написала Валентина Александровна Осеева.

Действительно, на долю героев этой книги выпало много тревог и забот. Не всегда гладко течёт детство.

Нелёгким оно было и у писательницы В. А. Осеевой.

Она родилась и росла в революционной семье. Отец её, Александр Дмитриевич Осеев, — видный революционер, активный участник событий 1905 года, вынужден был скрываться от царской полиции, жить и работать под чужой фамилией. Он был арестован, прошёл по этапу тридцать пересыльных тюрем и несколько лет сидел в Самарской крепости.

Мать и тётка Осеевой были связаны по революционной работе с Анной Ильинишной Ульяновой-Елизаровой — сестрой Владимира Ильича Ленина — и получали от неё задания.

Первые впечатления детства — разлука с отцом, тайные короткие встречи с ним в других городах, куда приходилось для этого выезжать, ночные обыски.

Семья вынуждена была часто менять место жительства.

Навсегда осталась в памяти могучая река Волга с её плёсами и овражистыми берегами. Барбашина поляна под Самарой. Лето.

Взрослые были заняты своими тайнственными делами. Девочка на весь день убежала к реке. Её манили гудки пароходов, баржи, суета пристани, Жигулёвские горы, овеянные легендами. Она близко видела жизнь грузчиков, бурлаков, портовых рабочих.

Много бездомных детей слонялось тогда по берегам Волги, за гроши они помогали разгружать баржи, выполняли непосильные работы на пароходах. Девочка жила одной жизнью со своими босоножими друзьями. Она любила петь с ними разудалые песни или разыгрывать сценки, изображая рыбаков и мастеровых, парходную публику, шарманщиков и лодочников.

В холодные дождливые вечера, засыпая в своей тёплой постели, она мечтала построить большой светлый дом, дворец, для всех мальчишек и девочек, которые бродили по пристани, голодные и разутые, которые работали на хозяев с утра до ночи...

Идут годы, сменяются города.

И вот наступило время — свершилась Великая Октябрьская революция.

Раздетых, изголодавшихся беспризорных ребят советская власть поселила в просторных чистых домах. Их стали кормить, одевать, учить. Многие люди отдавали этим детям все свои силы и знания.

Семнадцать лет проработала в детских домах и колониях Валентина Александровна Осеева как воспитательница и педагог.

На досуге она сочиняла сказки для ребят, из вечера в вечер придумывала и рассказывала длинные повести с продолжением о гражданской войне, о героических красных командирах, которые побеждали белогвардейцев. Повести так и назывались: «Красный командир», «Белая змея» и т. д. Осеева писала пьесы, ставила и разыгрывала их вместе с ребятами.

Она любила сама придумывать игры и увлекалась ими не меньше, чем её воспитанники.

Через многие годы прошла забавная игра в Робин Гуда — весёлого и честного разбойника. Неизвестно, почему пришёл на память этот легендарный атаман лесной вольницы из старой Англии. Может быть, потому, что Робин Гуд храбро боролся против богачей, чинил суд и расправу над жадными и корыстными владельцами поместий и защищал бедняков.

Игра в Робин Гуда пришлась по сердцу тем трудным ребятам, которых уже калечила и уродовала разорённая войною жизнь, которые знали, что такое голод и ночь в асфальтовом котле.

Эти дети видели слишком много горя, чтобы быть спокойными и послушными. Они любили сильные приключения и страшные клятвы, отвагу и нерушимое слово, ловкость и беспощадную месть. Поэтому так охотно откликались они на условный клич Робин Гуда, мигом строились, подхватывали его призывную песню и с нею уходили бродить по лесу или спускали плот по реке.

Робин Гудом была Валентина Осеева.

Она шла впереди строя в придуманном наряде Робин Гуда — бархатных штанях с позументами и тюбетейке с пером...

По требованию ребят В. А. Осеева отнесла в редакцию один из своих первых рассказов «Гришка». Он был напечатан в 1937 году в газете «За коммунистическое просвещение».

Таким образом, ребята как бы определили дальнейшую судьбу В. А. Осеевой.

Большую роль в её писательской биографии сыграл душевный и глубокий рассказ «Бабка», напечатанный в 1940 году. Потом был написан весёлый и очень грустный рассказ «Рыжий кот» и много других.

«Волшебное слово» — одна из первых книжек, которую читают дети, едва научившись грамоте.

Повесть «Васёк Трубачёв и его товарищи» знают все дети. Наверное, нет школьника, который не пережил бы вместе с

Васькóм Трубачёвым и егó товáрищами мнóгих тяжёлых приключéний, не бродíл бы мысленно вмéсте с нíми по трóдным дорóгам войны.

Нóвая большáя кнíга «Дíнка», вышедшая в 1959 году, рассказывает о впечатлéниях дётства самóй писáтельницы.

Она хорошо понимáет душевный мир ребят. И дéти, вырастáя, сохраняют в своéй пáмяти живые óбразы любíмых дётских книг, сóзданные Валентíной Алексáндровной Осéевой.

Е. Сувóрина

У КОСТРА

Один раз в походе ребята отошли далеко от лагеря и решили ночевать в лесу. Вечером развели костёр. Варили картошку. Пламя костра бросало таинственный отблеск на кусты и деревья; глазам, привыкшим к свету, всё вокруг костра казалось чёрным-чёрно: и лес, и сбегáющие по косо́ру кусты, и срубленные пни, заросшие папоротником, и только маленький золотой круг, в котором грелись у огня пионеры, казался обжитым и уютным.

Тепло и вкусная горячая картошка разморили ребят. Каждому вспомнилось что-то своё, домашнее, захотелось рассказать об этом товарищам, поделиться.

— Я маленьким, эх, и озорным был! — усмехнулся Вадим. — Бывало, почи́тит ба́бка картошку, а я — раз-раз! — ножичком вырежу из её картошек человечков, руки, ноги им из спичек сделаю. А она придёт: ах, ах!.. — Он звúчно рассмеялся, потом сразу остановился и грустно сказал: — Обижáю я свою ба́бку...

Ребята удивились.

— Вот тебе раз! — хмыкнул Костя. — То про своё озорство рассказывал, то обиды какие-то вспомнил... С чего это ты?

Вадим помешал угли и, подняв голову, обвёл всех затуманенным взглядом:

— А так просто, ни с чего. Есть у меня такая привычка — на бабушку огрызаться. Больше всех её люблю, и ей же первой от меня грубость слышать приходится. А почему это так — не знаю...

— Нет, знаешь! — вдруг откликнулся из темноты голос вожака того Гриши. Он сидел поодаль от огня, прислонившись спиной к дереву. — Знаешь, Вадим, да сознаться себе не хочешь, — повторил Гриша.

Вадим блеснул чёрными глазами и повернулся к Грише:

— Ты думаешь, силы воли не хватает? Сдержаться не могу? Гриша пожал плечами:

— Нет, почему силы воли не хватает? Я этого не думаю. Ты парень крепкий, сила воли у тебя есть. И сдержаться ты можешь. Не так уж твоя старая бабушка к тебе пристаёт, чтоб и сдержаться было нельзя. Нет, не в том дело...

— А в чём? — негромко спросили сразу несколько голосов.

— А в том, что Вадим не хочет сдержаться, распускается, пользуется тем, что бабушка его любит. А любит — значит, простит и жаловаться тоже не пойдёт, — медленно сказал Гриша.

Ребята посмотрели на Вадима. Он молчал и, обхватив руками колени, смотрел на огонь.

— А мы, Гриша, наверное, все такие. А не такие, так ещё хуже... У каждого, если так откровенно рассказать, что-нибудь найдётся плохое, — живо сказал Костя. — Вот я, например, о себе скажу... Я в школе с товарищами один, а дома другой. В школе я и весёлый, и всё мне хорошо. А дома, как придё, так сейчас надуюсь чего-то, ну, вообще... к сестрёнке начну придираться — одним словом, тоже распускаю себя... — Костя виновато улыбнулся. — Честное слово...

— Не та дисциплина, — заметил кто-то из ребят.

— Перед товарищами не больно-то свой характер покажешь — у нас живо на чистую воду выведут, будь спокоен! — потрянул головой паренёк в клетчатой рубашке, со значком на груди.

— А я вот что знаю... — придвигаясь к огню, заговорил Ся-

ша. — Надо самому себя время от времени проверять: кто я есть, какой человек из меня получается. А то один раз я так себя запустил, что сам себе опротивел... — Он выплюнул изо рта травинку и поглядел на внимательные лица ребят. — Кто смеётся — не смейся. Это с каждым может быть...

Ребята поглядели друг на друга:

— Никто не смеётся. Что ты!

— Говори...

— Говори, Саша, — слышались тихие голоса.

— А что говорить? Это дело с двойки началось, — хмурясь, сказал Саша. — Получил я как-то двойку по арифметике. Ну, неприятно мне, конечно, и неловко; иду домой и думаю: «Сегодня не скажу — и так у меня сегодня плохой день; завтра скажу». А на завтра я пятёрку получил по русскому и опять думаю: «Что я буду хорошее с плохим мешать! Скажу послезавтра». Ну, так день за днём. Хорошее говорю, а о плохом молчу. И всё так стал скрывать, а потом уж и врать пришлось, выкручиваться, да уж не только дома перед родителями, а и в классе перед товарищами. Ну, один раз лёг спать и думаю: «Что это я перед всеми извиваюсь как-то, всё мне на свете опротивело и самому на себя противно глядеть?» — Саша поднял голову и посмотрел на ребят.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Костя.

— Всё! — решительно отрезал Саша. — С той поры всё! На одной правде живу. Вот как есть, так и есть! Ничего не скрываю и нигде не выкручиваюсь, чистый стал, как после бани вышел!

Наступила тишина. Ребята задумались. Кто-то подкинул в костёр сухую ветку. Огонь вспыхнул и осветил лица.

— А у меня вот, ребята... — слышался взволнованный голос Димы, — у меня свой недостаток...

Ребята раздвинулись. Дима боком просунулся между ними и, вспыхивая горячим румянцем, долго не мог найти нужные слова. Наконец он грустно улыбнулся и сказал:

— Я, наверное, какой-то трус, ребята... хоть мне об этом и говорить трудно... Но раз все о себе правду говорят, то и я хочу сказать...

— Ясно, говори!

— Как скажешь, так сразу и на душе станет легче! — сочувственно зашумели ребята.

— Говори. Тут чужих нет... Может, разберёмся вместе, — сказал Гриша, присаживаясь ближе к костру.

— Я леса боюсь, — сказал Дима. — Боюсь, и всё. И никак себя побороть не могу. Ни за что бы один в лес не пошёл! Я уж себя проверял — выйду ночью из палатки и смотрю: лес, лес... деревья чёрные, кусты чёрные, а за кустами будто зверь какой валёжником шуршит. Стою и думаю: «Пошёл бы я сейчас один туда? Нет, ни за что на свете! Боюсь!..»

— А чего бойшься? Людэй или зверей?

Дима пожал плечами:

— Нет, почему людэй? Зверей, конечно, гадюк боюсь, а ещё заблудиться мне страшно...

— Д-да-а... — протянул кто-то из ребят.

— Чудной ты, — сказал Вадим. — Лес все любят, а ты его бойшься! И днём бойшься?

— Нет, днём меньше. Днём всё видно.

— Ну, а если бы ты попробовал преодолеть в себе этот страх? Вот как Саша — преодолел же он свой недостаток, когда понял, что это никуда не годится! И ты попробуй. Возьми себя крепко в руки и решишь пойти в лес, и ты увидишь, что ничего там страшного нет, — сказал Гриша.

— Конечно, Димка! Прямо скажи себе: я ничего не боюсь. И иди. Вон лес! — зашумели вокруг ребята.

Димка оглянулся на лес и тяжело вздохнул.

— Может, я с ним пойду для первого раза? — предложил Костя.

— Ну, уж нет! Без нянек, пожалуйста. Димка пионер.

— Нечего ему тут долго думать! Пошёл — и всё.

Гриша вдруг встал, нащупал в траве пустое ведро и протянул его Диме:

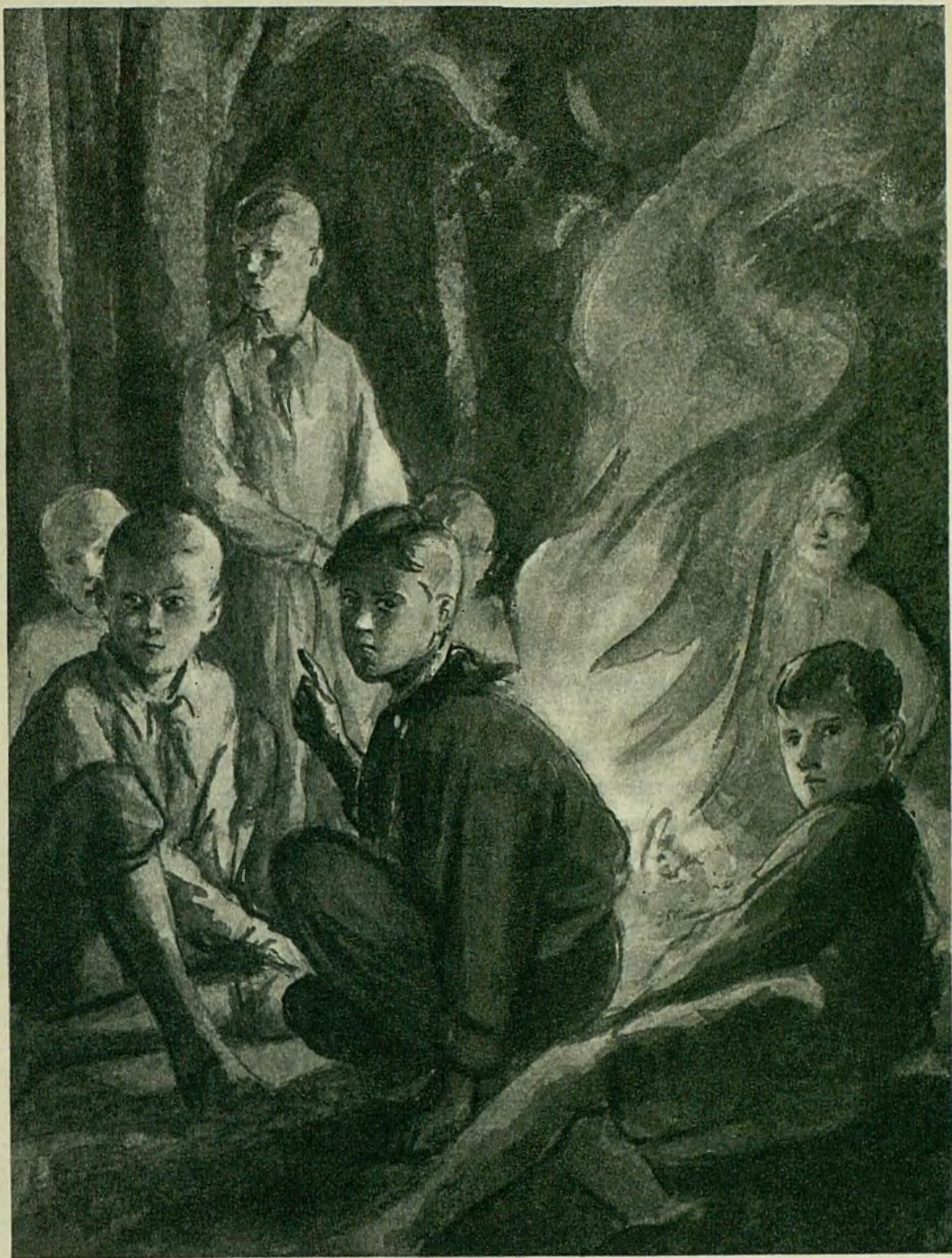
— Слушай! Вон там под горкой ручей. Мы с тобой сегодня там были... Пойди и набери воды в ведро, понял?

Дима нерешительно взял ведро.

— Иди, иди, Димка! Нас много. Мы, в случае, чего, все на помощь прибежим, — подбадривали Диму ребята.

— Иди, — дружески сказал Вадим и погладил товарища по плечу. — Не бойся ничего!

Дима пошёл. Ребята молча смотрели, как он спускался с

Сквозь ночную тишину прорвался откуда-то дрожащий, жалобный крик...

косо́ра, как в темноте́ постепенно́ таяла его́ фигу́ра, удаляясь вме́сте с тихим зво́ном болта́ющегося на руке́ ведра́. Когда́ его́ уже́ не ста́ло ви́дно, все заговори́ли ра́зом, перебива́я друг дру́га:

— Пошёл!

— Ну и хорошо́!

— Ва́жно пе́рвый раз реши́ться.

— А всё-таки́ сила во́ли у него́ есть, ребята́!

— А ну, поти́ше! Не зовет? — спра́шивал и́зредка Вади́м, настороже́нно прислу́шиваясь к ка́ждому зву́ку.

— Не зовет. Чего́ ему́ звать!

Вре́мя тяну́лось ме́дленно. Реба́та помолча́ли. Потом поговори́ли ещё́, но за слова́ми уже́ чу́вствовалось нетерпели́вое ожида́ние.

— До́лго чего́-то он, — сказа́л Ко́стя, вгляды́ваясь в темноту́.

— Мо́жет, по́льное ведро́ зачерпну́л — в го́ру тяжело́ нести́, — предположи́л кто́-то.

— Не торо́пится, — поднима́ясь, сказа́л Гри́ша. — Пойду́ посмотре́ю, что там.

— А ну, ти́ше! — вдруг кри́кнул Вади́м и за́мер, подня́в вверх ру́ку.

Сквозь ночну́ю тишину́ прорва́лся отку́да-то дрожа́щий, жа́лобный крик...

Реба́та вскочи́ли и, толка́я друг дру́га, рину́лись¹ в темноту́.

Гри́ша, цепля́ясь за ве́тки сбегáющих по косо́ру кусто́в, пе́рвый дости́г ручья́. За ним почти́ скати́лся с го́рки Вади́м, потом остальные́ ребята́. Димки́ не́ было. В куста́х бу́лькал руче́й. На берегу́ валя́лось пусто́е ведро́.

— Димка! Эй, эй, Димка-а-а! — трево́жно понесло́сь по́ лесу.

«А-а-а...» — передра́звивая ребя́т, откли́кнулось лесно́е э́хо, и вслед за ним — сно́ва дрожа́щий то́нкий звук, заглуше́нный го́лосом Димы́:

— Сюда́! Сюда́!

Реба́та, лома́я су́чья и обжигáясь крапи́вой, броси́лись на зов.

Го́лос шёл из глубо́кого овра́га. На дне его́, в то́пком боло́те, копоши́лся² Димка и рядом с ним что́-то большо́е, тёмное, похо́жее на зве́ря.

---

¹ Р и н у л и с ь (р и н у т ь с я) — устреми́лись бего́м.

² К о п о ш и л с я (к о п о ш и т ь с я) — ме́дленно шевели́лся.

— Ребята, сюда! Тут жеребёнок в болоте застрял — никак не вытащу! — кричал Димка.

— И-и-и... — жалобно ржал жеребёнок, пробуя вытащить заплывшие топкой глиной ноги.

Димка, подвернув выше колён штаны и обхватив обеими руками шею жеребёнка, изо всех сил тащил его на берег.

Ребята сбросили тапочки и ползли в овраг.

* * *

У ручья вымыли ноги. Почистили копыта жеребёнку. Димка, поглаживая густую щётку его гривки, возбуждённо рассказывал:

— Я пришёл к ручью... и только хотел воды зачерпнуть, слышу — кричит кто-то. Я подумал, ребёнок кричит... заблудился, в овраг попал! Ну, бросил ведро — и туда. А там не ребёнок, а жеребёнок стоит. Залез в топкое место и никак не вылезет! — Он провёл рукой по торчащим вверх ушам жеребёнка и добавил: — Тут колхоз близко... Наверное, в ночное¹ лошадей пригнали, а он отбился от матки и попал в болото.

Ребята смотрели на Димку и улыбались.

— А как же ты пошёл в овраг, Дима? — спросил Костя. — Ты ведь и к ручью идти боялся!

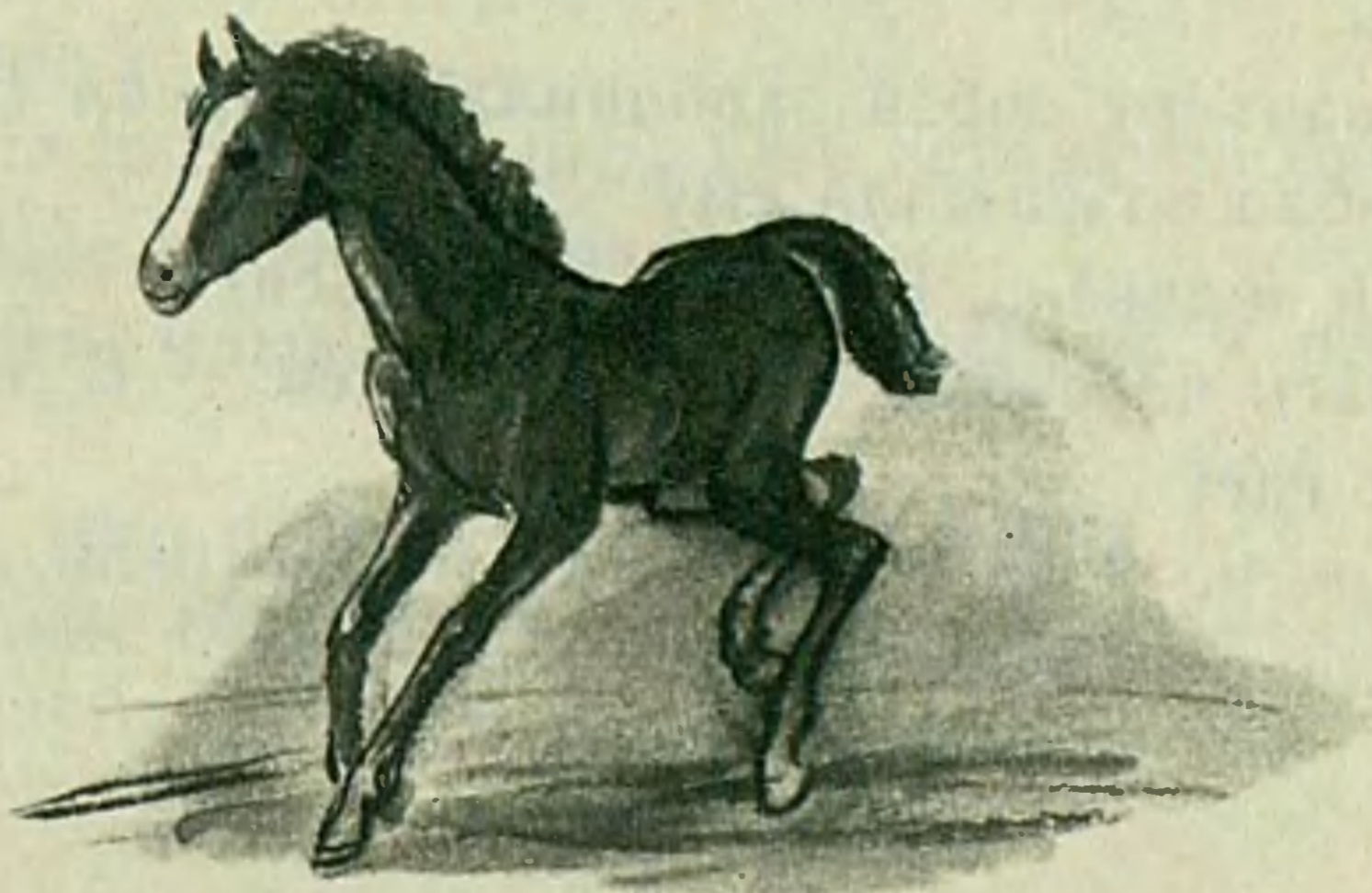
— Это другое дело, — быстро ответил за товарища Вадим. — В овраг он на помощь побежал, тогда, верно, и страха не было...

— Нет, был. — Димка улыбнулся и покачал головой. — Ещё какой страх был! Только я стиснул зубы и решил: будь что будет. Не бросать же кого-то в беде! Я этот страх свой... как бы вам сказать... — Дима развёл руками, подыскивая слово.

— Преодолёл, — спокойно досказал за него Гриша.

---

¹ Н о ч н о е — пастьба лошадей ночью в летнее время.

БАБКА

Бабка была тучная, широкая, с мягким, певучим голосом. В старой вязаной кофте, с подоткнутой за пояс юбкой, расхаживала она по комнатам, неожиданно появляясь перед глазами, как большая тень.

— Всю квартиру собою заполнила! — ворчал Бóрькин отец.

А мать робко возражала ему:

— Старый человек... Куда же ей деться?

— Зажилась на свете, — вздыхал отец. — В инвалидном доме ей место, вот где!

Все в доме, не исключая и Бóрьки, смотрели на бабу, как на совершенно лишнего человека.

Ба́бка спала́ на сундуке́. Всю́ ночь она́ тяжело́ воро́чалась с бо́ку на́ бок, а у́тром вставала́ ра́ньше всех и греме́ла в кúхне посу́дой. Потóм будила́ зя́тя и дочь:

— Самова́р поспе́л, вставáйте! Попейте горяченького-то на до́рожку...

Подходи́ла к Бо́рьке:

— Вставáй, ба́тюшка мой, в шко́лу пора́!

— Заче́м? — со́нным го́лосом спра́шивал Бо́рька.

— В шко́лу заче́м? Те́мный челове́к глух и нем — вот заче́м!

Бо́рька прятал го́лову под одея́ло:

— Иди́ ты, ба́бка...

— Я-то пойду́, да мне не к спéху, а вот тебе́ к спéху.

— Ма́ма! — крича́л Бо́рька. — Чего́ она́ тут гуди́г над у́хом, как шмель?

— Бо́ря, вставáй! — стуча́л в стéнку оте́ц. — А вы, мать, отойди́те от него́, не надоеда́йте с утра́.

Но ба́бка не уходила́. Она́ натягивала на Бо́рьку чулки́, фуфа́йку. Гру́зным те́лом колыхáлась перед его́ кровáтью, мя́гко шле́пала ту́флями по ко́мнатам, греме́ла та́зом и всё что́-то приговáривала.

В сеня́х оте́ц ша́ркал ве́ником:

— А куда́ вы, мать, кало́ши де́ли? Ка́ждый раз во все углы́ ты́каешься из-за них!

Ба́бка торопи́лась к нему́ на по́мощь:

— Да вот они́, Петру́ша, на са́мом виду́. Вчера́сь уж о́чень грязны бы́ли, я их обмы́ла и поста́вила.

Оте́ц хло́пал двéрью. За ним торопли́во выбега́л Бо́рька. На ле́стнице ба́бка сова́ла ему́ в су́мку я́блоко и́ли конфéту, а в карма́н чи́стый носово́й плато́к.

— Да ну́ тебя́! — отма́хивался Бо́рька. — Ра́ньше не могла́ дать! Опозда́ю вот...

Потóм уходила́ на рабо́ту мать. Она́ оставля́ла ба́бке проду́кты и уговáривала её не тра́тить ли́шнего:

— Поэконо́мней, ма́ма. Пе́тя и так се́рдится. У него́ ведь четы́ре рта на ше́е.

— Чей род — того́ и рот, — вздыхáла ба́бка.

— Да я не о вас говорю́! — смягча́лась дочь. — Вообще́ расхо́-

ды большіе... Поаккурáтней, мáма, с жирáми. Бóре пожирнѣй, Пѣте пожирнѣй...

Потóм сыпались на бáбку другіе наставлѣнія. Бáбка принимáла их мóлча, без возражѣній.

Когдá дочь уходíла, онá начинáла хозяйничать. Чíстила, мýла, варíла; потóм вынимáла из сундукá спи́цы и вязáла. Спи́цы двíгались в бáбкиных пáльцах то бýстро, то мѣдленно — по хóду её мы́слей. Иногда́ совсѣм останáвливались, пáдали на колѣни, и бáбка качáла головóй:

— Тáк-то, голубчики мой! Не прóсто, не прóсто жить на свѣте!

* * *

Приходíл из шкóлы Бóрька, сбрасывал нá руки бáбке пальтó, шáпку и, швыряя на стол сýмку с кнíгами, кричáл:

— Бáбка, поѣсть!

Бáбка прýтала вязáнье, торопливо накрывáла на стол и, скрестíв нá животѣ рýки, следíла, как Бóрька ест. В ѣти часы́ кáк-то невóльно Бóрька чýствовал бáбку сво́йм, блíзким человекóм. Он охóтно рассказывал ей об уро́ках, товáрищах. Бáбка слýшала его́ любóвно, с больш́йм внимáнием, приговáривая:

— Всѣ хорошó, Бóрюшка: и плохóе и хорóшее хорошó. От плохóго человекó крѣпче дѣлается, от хорóшего душá у него́ зацветáет.

Иногда́ Бóрька жáловался на родíтелей:

— Обещáл отѣц портфѣль. Все пятиклáссники с портфѣлями хóдят!

Бáбка обещáла поговорíть с мáтерью и выговáривала Бóрьке портфѣль.

Наѣвшись, Бóрька отодвигáл от себя тарѣлку:

— Вкусный кисѣль сего́дня! Ты ѣла, бáбка?

— Ела, ѣла, — кивáла головóй бáбка. — Не забóться обо мне, Бóрюшка, я, спасíбо, сытá и здрáва¹.

Потóм вдруг, глядя на Бóрьку в́цветшими глазáми, дóлго жевáла онá беззýбым ртом какíе-то словá. Щѣки её покрывáлись рýбью, и гóлос понижáлся до шѣпота:

— Вы́растешь, Бóрюшка, не бросáй мать, забóться о мáтери. Стáрое — что мáлое. В старинú говáривали: труднѣй всего́ три вѣ-

---

¹ З д р á в а — здорóва

щи в жизни: богу молиться, долги платить да родителей кормить. Так-то, Боряшка, голубчик мой!

— Я мать не брошу. Это в старину, может, такие люди были, а я не такой!

— Вот и хорошо, Боряшка. Будешь поить-кормить да подавать с ласкою. А уж бабка твоя на это с того света радоваться будет.

— Ладно. Только мёртвой не приходи, — говорил Боряка.

После обеда, если Боряка оставался дома, бабка подавала ему газету и, присаживаясь рядом, просила:

— Почитай что-нибудь из газеты, Боряшка: кто живёт, а кто маётся¹ на белом свете.

— «Почитай!»! — ворчал Боряка. — Самá не маленькая!

— Да что ж, коли не умею я.

Боряка засовывал руки в карманы и становился похожим на отца:

— Ленишься? Сколько я тебя учил! Давай тетрадку.

Бабка доставала из сундука тетрадку, карандаш, очки.

— Да зачем тебе очки? Всё равно ты буквы не знаешь.

— Всё как-то явственней в них, Боряшка.

Начинался урок. Бабка старательно выводила буквы; «ш» и «т» не давались ей никак.

— Опять лишнюю палку приставила! — сердился Боряка.

— Ох-ох! — пугалась бабка. — Не сосчитаю никак.

— Хорошо, ты при советской власти живёшь, а то в царское время знаешь, как тебя драли бы за это?

— Верно, верно, Боряшка. Бог — судья, солдат — свидетель. Жаловаться было некому.

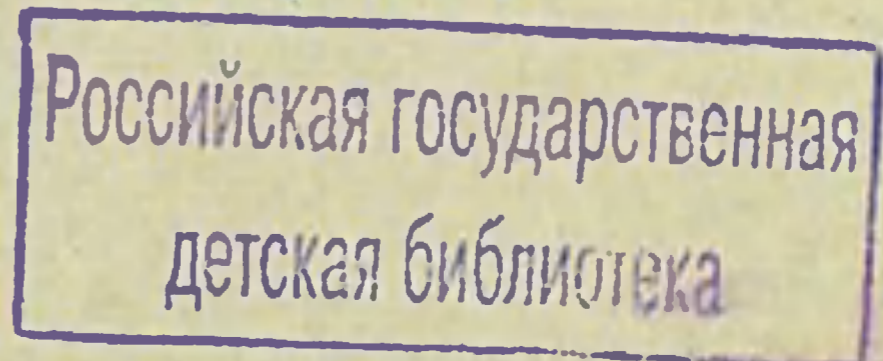
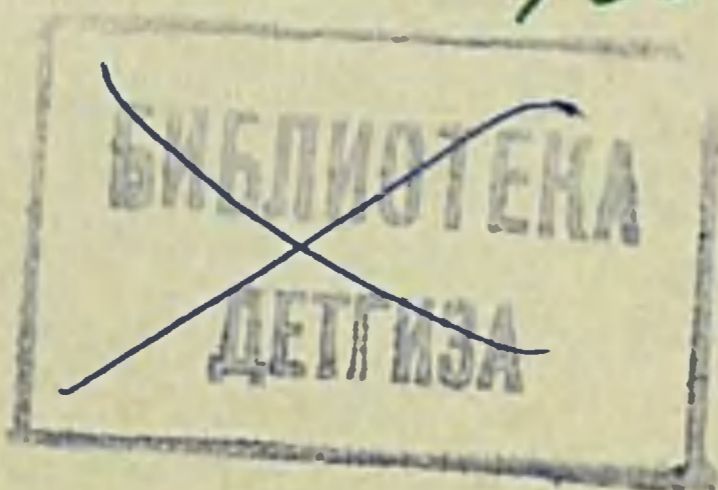
Со двора доносился визг ребят.

— Давай пальто, бабка, скорей, некогда мне с тобой возиться!

Бабка опять оставалась одна. Поправив на носу очки, она осторожно развёртывала газету, подходила к окну и долго, мучительно вглядывалась в чёрные строки. Буквы, как жучки, расползались перед глазами; натыкаясь друг на дружку, сбивались в кучу. Неожиданно выпрыгивала откуда-то знакомая трудная буква. Бабка поспешно зажимала её толстым пальцем и торопилась к столу.

— Три палки... три палки... — радовалась она.

¹ Маётся (маяться) — здесь: мучится.

* * *

Досаждали ба́бке забáвы вну́ка. То летáли по кóмнате бéлые, как гóлуби, вы́резанные из бума́ги самолёты. Описа́в под потоло́м круг, о́ни застрева́ли в маслénке, па́дали на ба́бкину гóлову. То явля́лся Бо́рька с но́вой игро́й — в «чекáночку». Завязáв в тря́почку пята́к, он бéшено пры́гал по кóмнате, подбрасыва́я его́ ного́й. При э́том, охваченный азáртом игры́, он натыка́лся на все окружа́ющие предме́ты. А ба́бка бéгала за ним и растéрянно повто́ряла:

— Ба́тюшки, ба́тюшки! Да что же э́то за игра́ така́я! Да ведь ты всё в до́ме переколо́тишь!

— Ба́бка, не меша́й! — задыхáлся Бо́рька.

— Да ного́ми-то заче́м, голу́бчик? Рука́ми-то безопа́сней ведь.

— Отста́нь, ба́бка! Что ты понима́ешь! Ного́ми на́до.

* * *

Прише́л к Бо́рьке това́рищ. Това́рищ сказа́л:

— Здра́вствуйте, ба́бушка!

Бо́рька вéсело подтолкну́л его́ лóктем:

— Идём, идём! Мо́жешь с ней не здоро́ваться. Она́ у нас ста́рая старуше́нция.

Ба́бка одёрнула ко́фту, попра́вила плато́к и т́ихо пошевели́ла губáми:

— Обидеть — что уда́рить, приласка́ть — на́до слова́ иска́ть.

А в сосéдней кóмнате това́рищ говори́л Бо́рьке:

— А с на́шей ба́бушкой всегда́ здоро́ваются. И свои́ и чужие́. Она́ у нас гла́вная.

— Как э́то — гла́вная? — заинтересова́лся Бо́рька.

— Ну, ста́ренькая... всех вы́растила. Её́ нельзя́ обижа́ть. А что же ты со сво́ей-то так? Смотри́, оте́ц взгре́ет!¹

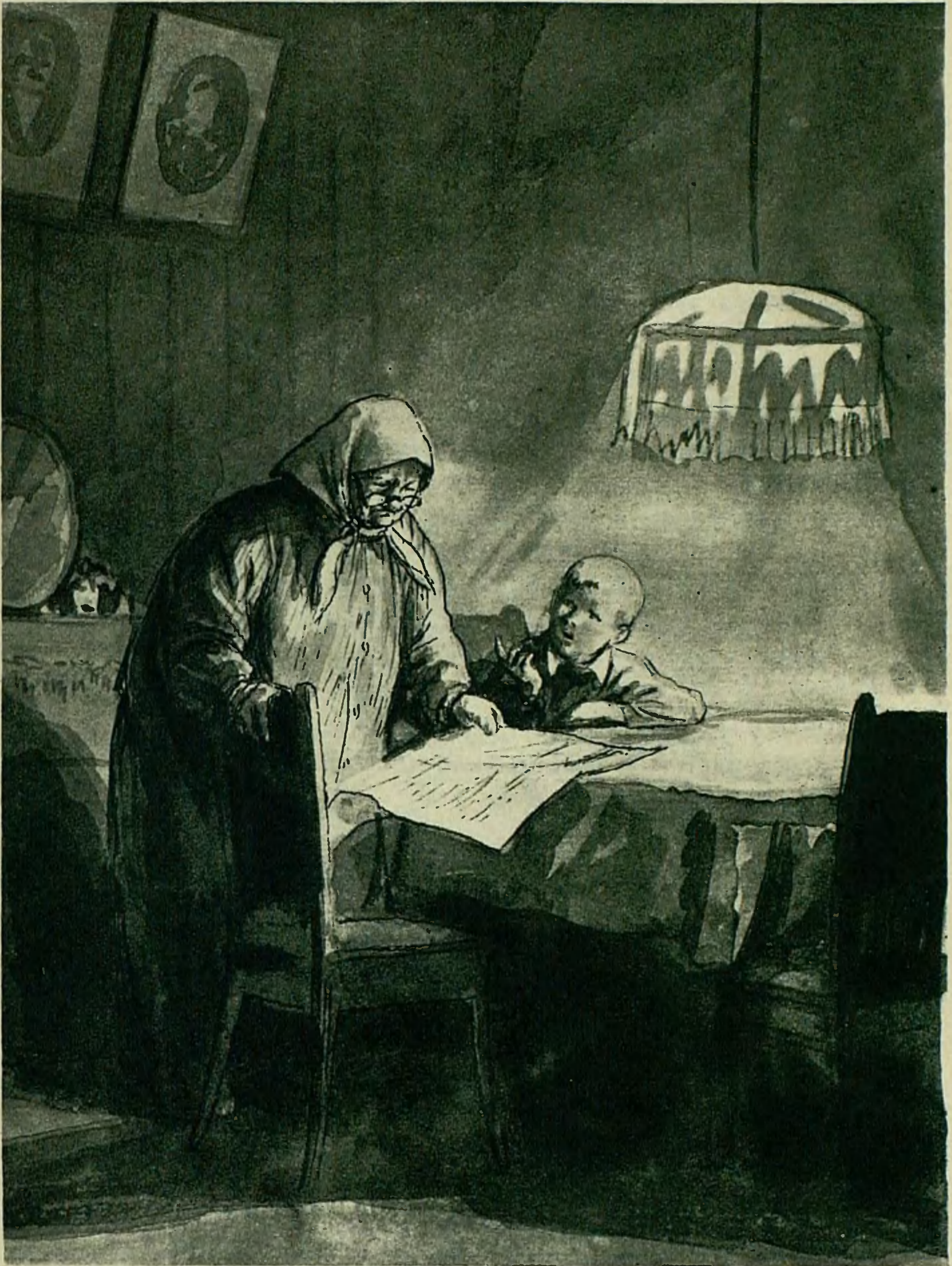
— Не взгре́ет! — нахму́рился Бо́рька. — Он сам с ней не здоро́вается.

Това́рищ покача́л голово́й:

— Чудно́! Тепе́рь ста́рых все уважа́ют. Советская́ власть зна́ешь, как за них заступа́ется! Вот у одних в на́шем дворе́ старичку́ пло́хо

---

¹ Взгре́ет (взгреть) — сде́лает стро́гий вы́говор, отругáет, побьёт.

После обеда бабка подавала Бóрьке газету и просила почитать.

жилось, так ему теперь они платят. Суд постановил. А стыдно-то как перед всеми, жуть!

— Да мы свою бабушку не обижаем, — покраснел Боряка. — Она у нас... сыта и здрава.

Прощаясь с товарищем, Боряка задержал его у дверей.

— Бабушка, — нетерпеливо крикнул он, — иди сюда!

— Иду, иду! — заковыляла из кухни бабушка.

— Вот, — сказал товарищу Боряка, — попрощайся с моей бабушкой.

После этого разговора Боряка часто ни с того ни с сего спрашивал бабушку:

— Обижаем мы тебя?

А родителям говорил:

— Наша бабушка всех лучше, а живет хуже всех — никто о ней не заботится.

Мать удивлялась, а отец сердился:

— Кто это тебя научил родителей осуждать? Смотри у меня — мал еще! — И, разволновавшись, набрасывался на бабушку: — Вы, что ли, мамаша, ребенка учите? Если недовольны нами, могли сами сказать.

Бабушка, мягко улыбаясь, качала головой:

— Не я учу — жизнь учит. А вам бы, глупые, радоваться надо. Для вас сын растёт! Я своё отжила на свете, а ваша старость впереди. Что убьёте, то не вернёте.

* * *

Перед праздником возилась бабушка до полуночи в кухне. Гладила, чистила, пекла. Утром поздравляла домашних, подавала чистое глаженое бельё, дарила носки, шарфы, платочки.

Отец, примеривая новые носки, кряхтел от удовольствия:

— Угодили вы мне, мамаша! Очень хорошо, спасибо вам!

Боряка удивлялся:

— Когда это ты навязала, бабушка? Ведь у тебя глаза старые — ещё ослепнешь!

Бабушка улыбалась морщинистым лицом.

Около носа у неё была большая бородавка. Боряку эта бородавка забавляла.

— Какой петух тебя клюнул? — смеялся он.

— Да вот выросла, что поделаешь!

Борьку вообще интересовало бабкино лицо. Были на этом лице разные морщины: глубокие, мелкие, тонкие, как ниточки, и широкие, вырытые годами.

— Чего это ты такая разрисованная? Старая очень? — спрашивал он.

Бабка задумывалась.

— По морщинам, голубчик, жизнь человеческую, как по книге, можно читать.

— Как же это? Маршрут, что ли?

— Какой маршрут? Просто горе и нужда здесь расписались. Детей хоронила, плакала — ложилась на лицо морщины. Нужду терпела, билась — опять морщины. Мужа на войне убили, много слёз было — много и морщин осталось. Большой дождь и тот в земле ямки роет.

Слушал Борька и со страхом глядел в зеркало: мало ли и он поревел в своей жизни — неужели всё лицо такими нитками затянется?

— Иди ты, бабушка! — ворчал он. — Наговоришь всегда глупостей.

* * *

Когда в доме бывали гости, наряжалась бабушка в чистую ситцевую кофту, белую с красными полосками, и чинно¹ сидела за столом. При этом следила она в оба глаза за Борькой, а тот, делая ей гримасы, таскал со стола конфеты.

У бабушки лицо покрывалось пятнами, но сказать при гостях она не могла.

Подавали на стол дочь и зять и делали вид, что мамаша занимает в доме почётное место, чтобы люди плохого не сказали. Зато после ухода гостей бабушке доставалось за всё: и за почётное место и за Борькины конфеты.

— Я вам, мамаша, не мальчик, чтобы за столом подавать! — сердился Борькин отец.

— И если уж сидите, мамаша, сложá руки, то хоть за маль-

---

¹ Ч и н н о — здесь: важно, спокойно.

чийшкой приглядели бы: ведь все конфеты потаскал! — добавляла мать.

— Да что же я с ним сделаю-то, милые мой, когда он при гостях вольным делается? Что спил, что съел, царь колёном не выдавит, — плакалась бабка.

В Бóрьке шевелилось раздражение против родителей, и он думал про себя: «Вот будете старыми, я вам покажу тогда!»

* * *

Была у бабки заветная шкатулка¹ с двумя замками; никто из домашних не интересовался этой шкатулкой. И дочь и зять хорошо знали, что денег у бабки нет. Прятала в ней бабка какие-то вещицы «на смерть».

Бóрьку одолевало любопытство:

— Что у тебя там, бабка?

— Вот помру — всё ваше будет! — сердилась она. — Оставь ты меня в покое, не лезу я к твоим-то вещам!

Раз Бóрька застал бабку спящей в кресле. Он открыл сундук, взял шкатулку и заперся в своей комнате. Бабка проснулась, увидела открытый сундук, охнула и припала к двери.

Бóрька дразнился, гремя замками:

— Всё равно открою...

Бабка заплакала, отошла в свой угол, легла на сундук. Тогда Бóрька испугался, открыл дверь, бросил ей шкатулку и убежал.

— Всё равно возьму у тебя, мне как раз такая нужна, — дразнился он потом.

За последнее время бабка вдруг сгорбилась, спина у неё стала круглая, ходила она тише и всё присаживалась.

— В землю врастает, — шутил отец.

— Не смейся над старым человеком, — обижалась мать.

А бабке в кухне говорила:

— Что это вы, мама, как черепаха по комнате двигаетесь? Пошлешь вас за чем-нибудь и назад не дождёшься.

---

¹ Шкатулка — небольшой ящик для мелких вещей.

Умерла бабка перед майским праздником. Умерла одна, сидя в кресле с вязаньем в руках; лежал на колёнях недоконченный носок, на полу — клубок ниток. Ждала, видно, Борьку. Стоял на столе готовый прибор. Но обедать Борька не стал. Он долго глядел на мёртвую бабку и вдруг опрометью бросился из комнаты. Бёгал по улицам и боялся вернуться домой. А когда осторожно открыл дверь, отец и мать были уже дома.

Бабка, наряженная, как для гостей — в белой кофте с красными полосками, — лежала на столе. Мать плакала, а отец вполголоса утешал её:

— Что же делать? Пожила — и довольно. Мы её не обижали, терпели и неудобства и расход.

В комнату набились соседи. Борька стоял у бабки в ногах и с любопытством рассматривал её. Лицо у бабки было обыкновенное, только бородавка побелела, а морщин стало меньше.

Ночью Борьке было страшно, он боялся, что бабка слезет со стола и подойдёт к его постели. «Хоть бы унесли её скорее!» — думал он.

На другой день бабку схоронили. Когда шли на кладбище, Борька беспокоился, что уронят гроб; а когда заглянул в глубокую яму, то поспешно спрятался за спину отца.

Домой шли медленно. Провожали соседи. Борька забежал вперёд, открыл свою дверь и на цыпочках прошёл мимо бабкиного кресла. Тяжёлый сундук, обитый железом, выпирал на середину комнаты, тёплое лоскутное одеяло и подушки были сложены в углу.

Борька постоял у окна, поковырял пальцем прошлогóдную замзку и открыл дверь в кухню. Под умывальником отец, засучив рукава, мыл калоши; вода затекала на подкладку, брызгала на стены. Мать гремела посудой. Борька вышел на лестницу, сел на перила и съехал вниз.

Вернувшись со двора, он застал мать сидящей перед раскрытым сундуком. На полу была свалена всякая рухлядь¹. Пахло залежавшимися вещами.

Мать вынула смятый рыжий башмачок и осторожно расправила его пальцами.

¹ Рухлядь — здесь: старые вещи.

— Мой ещё, — сказа́ла она́ и нѣзко наклонѣлась над сундуком. — Мой...

На са́мом дне загремѣла шкату́лка. Бо́рька присѣл на ко́рточки. Оте́ц потрепа́л его́ по плечу́:

— Ну что же, наслѣдник, разбогате́ем сейча́с!

Бо́рька ѣско́са взгляну́л на него́.

— Без ключѣ́й не откры́ть, — сказа́л он и отверну́лся.

Ключѣ́й до́лго не могли́ найтѣ — они́ бы́ли спря́таны в карма́не ба́бкиной ко́фты. Когда́ отѣц встряхну́л ко́фту и ключѣ́ со зво́ном упали́ на́ пол, у Бо́рьки отчего́-то сжа́лось се́рдце.

Шкату́лку откры́ли. Оте́ц вы́нул туго́й свѣрток: в нём бы́ли те́плые ва́режки для Бо́рьки, носки́ для зѣтя и безрука́вка для до́чери. За ними́ сле́довала вы́шитая рубашка́ из старѣнного, вы́цветшего шѣлка — то́же для Бо́рьки. В са́мом углу́ лежа́л паке́тик с леденца́ми, перевя́занный кра́сной ле́нточкой. На паке́тике что́-то бы́ло напы́сано большѣими печа́тными бу́квами.

Оте́ц поверте́л его́ в рука́х, прищу́рился и гро́мко прочѣл:

— «Вну́ку моему́ Бо́рюшке».

Бо́рька вдруг побледне́л, вы́рвал у него́ паке́т и убежа́л на у́лицу. Там, присѣв у чужѣх воро́т, до́лго вгля́дывался он в ба́бкины кара́кули: «Вну́ку моему́ Бо́рюшке».

В бу́кве «ш» бы́ло четы́ре па́лочки.

«Не научѣ́лась!» — подумал Бо́рька. И вдруг, как жива́я, вста́ла перед ним ба́бка — тѣхая, виновата́я, не вы́учившая уро́ка.

Бо́рька растѣрянно огляну́лся на свой дом и, зажа́в в руке́ паке́тик, побре́л по у́лице вдоль чужо́го дѣнного забора́...

Домо́й он пришѣл по́здно ве́чером; глаза́ у него́ распу́хли от слѣз, к колѣнкам приста́ла све́жая гѣлина.

Ба́бкин паке́тик он положи́л к себе́ под поду́шку и, закрывши́сь с голово́й одея́лом, подумал: «Не придет у́тром ба́бка!»

В К Л А С С Е

Когда Пётя вошёл в класс, ребята сразу окружили его.

— Новенький, новенький! — закричали они.

Высокий мальчик раздвинул ребят и, подойдя к новичку, протянул ему загорелую крепкую руку:

— Давай знакомиться! Игорь.

Пётя улыбнулся, потрянул протянутую к нему руку и, обращаясь ко всем, сказал:

— А меня зовут Пётя Набатов.

— Набатов? Здорово!

— Хорошая фамилия!

— Молодец, что приехал!

— У нас самые дружные ребята!

— Почти́ все хоро́шо́ учатся, то́лько. вот Бúнька подвóдит! — перебива́я друг дру́га, шу́мно заговори́ли ребя́та.

Игорь прищу́рил глаза́ и, облокоти́вшись на па́рту, осторо́жно спроси́л:

— Ну, а ты, Наба́тов, вообще́ как учи́шься?

Ребя́та примóлки и с интере́сом жда́ли отве́та. Пётя пожа́л плеча́ми и усмехну́лся:

— Стра́нный вопро́с. Я отли́чник, коне́чно!

— Отли́чник? — Игорь вёсело хлопну́л новичка́ по плечу́. — Вот здо́рово!

— Ребя́та, он отли́чник! Отли́чник! — одобри́тельно зашумели вокру́г.

— В на́шем полку́ при́было!

— Игорь, где ему́ сесть?

— Садись на за́днюю па́рту, Наба́тов! — сказа́л Игорь.

— Почему́ на за́днюю? — недово́льно спроси́л Пётя.

— Да ты не обижа́йся. У нас тако́е пра́вило: мы отли́чников всегда́ на за́дние па́рты сажáем. Я сам там сижу́. А отстаю́щие у нас побли́же к учи́телю сидя́т, чтоб на виду́ бы́ли.

— А! Ну хоро́шо́. Я не знал.

Ребя́та торже́ственно проводи́ли Пётю к его́ па́рте и, окружив со всех сторо́н, ста́ли расска́зывать ему́ все шко́льные но́вости.

По́сле звонка́ в класс вошёл учи́тель.

— Андре́й Алекса́ндрович! А у нас но́венький!

— Отли́чник! — похва́стался круглолицы́й Бúнька.

— Отли́чник? Очень приятно. А ты отку́да зна́ешь? — улыбну́лся Андре́й Алекса́ндрович.

— Сра́зу ви́дно! На глазо́к! — засмея́лся Бúнька.

— Жа́лко, что ты себя́ не ви́дишь «на глазо́к», — пошути́л учи́тель и взгляну́л на за́дние ряды́ парт, где сиде́л но́вый учени́к.

— Ну, но́венький, здра́вствуй! Дава́й познако́мимся. Как твоя́ фами́лия?

— Пётя Наба́тов, — отчётливо сказа́л новичо́к, поправля́я ку́рточку и пригла́живая чёрные, ко́ротно подстри́женные во́лосы. — Я учи́лся в То́мске.

— Хоро́ший го́род, — сказа́л учи́тель. — Ты ка́к-нибудь нам расска́жешь о нём.

Начался уро́к. Андре́й Алекса́ндрович вызыва́л ребят к доске́.

Нéсколько раз спросил с мéста Набáтова. На вопро́сы Пётя отве-
чал без запинки.

— Хорошó! Очень хорошó, Набáтов! — хвалил учите́ль.

Ребѣта торжествующе перегля́дывались, подта́лкивая сосе́дей локтя́ми.

Бунька, как волчо́к, верте́лся на па́рте и громко шептал своему́ сосе́ду:

— Ого́! Како́й круглый отлѣчник!

— Пожа́луй, да́же сильне́й Игора́!

Ви́тя Во́лков с любопы́тством разгля́дывал новичка́. Ему́ бы́ли видны́ ко́ротно подстри́женный заты́лок ма́льчика, вы́сокий ворот-
ник его́ ку́рточки, спи́на и плéчи, кото́рые он держáл ро́вно и
пря́мо.

«Молоде́ц! — ду́мал Ви́тя. — Ничего́ не бой́тся и де́ржится ка́к-
то хорошó. Интере́сно познако́миться с тако́м побли́же».

* * *

По́сле уро́ков ребѣта подходѣли к Пётю и одобри́тельно хло́пали
его́ по плечу́, а в раздева́лке Ви́тя Во́лков спросил:

— Тебе́ в како́ю сто́рону?

— Мне на́лево. А что?

— Хо́чешь, пойдѣм вме́сте погуля́ем? Я тебе́ на́шу Москву́-реку́
покажу́.

Пётя согласи́лся. Ма́льчики бродѣли часá два по у́лицам, раз-
гля́дывая па́мятники; проѣхались на метрó. Потóм остано́вились на
на́бережной и до́лго смотре́ли на вы́сокие ба́шни Кремля́.

Провожа́я Пётю домо́й, Ви́тя предложѣл ему́ поча́ще по́сле уро́-
ков прогу́ливаться вме́сте по Москвѣ.

— Пойдѣм за́втра же, — сказа́л Пётя.

— За́втра мне нельзя́. Я за́втра к одному́ това́рищу иду́. Он
боле́ет, и мы все по óчере́ди но́сим ему́ домо́й уро́ки. Три дня одѣн,
потóм три дня друго́й, а за́втра как раз моя́ óчередь начи-
на́ется.

— Ого́! По три дня! Ну ла́дно, так ты занеси́ уро́ки, а я подо-
жду́ тебя́, и пойдѣм.

— Ну нет, так не вы́йдет. Обы́чно как придѣшь, так уж весь
вече́р просидѣшь. То уро́ки с ним вме́сте сде́лаешь, то в ша́хматы

поиграешь. А сколько новостей надо рассказать! Ведь ему же скучно одному, а нас много, вот мы и распределились.

— Не люблю я больных, — поморщился Пётя.

— Нет, он хороший парень. Отличник тоже, как ты, и хороший товарищ. Мы его любим! — горячо сказал Витя.

— Ну ладно. В общем, значит, через три дня, как ты освободишься, пойдём в музей.

— Хорошо, конечно! А потом можно сходить и в кино...

Мальчики подружались; разговор стал задушевный, открытый.

— Ты знаешь, — говорил Витя, — у нас в классе, конечно, не все ребята одинаковые... ну, там по характеру, что ли... Но всё-таки класс у нас очень дружный, ребята боевые, всем интересуются. Кто что услышит, сейчас расскажет; иногда поспорим. Один то, другой это слышал...

— Я люблю таких ребят! Можно что-нибудь придумывать вместе, — мечтательно сказал Пётя, — а потом на пионерском собрании обсудить.

Расставаясь, мальчики чувствовали, что между ними завязалась прочная дружба.

* * *

В классе Пётя быстро завоевал авторитет. Он охотно делился с товарищами всем, что знал, умел интересно рассказывать о том, что увидел где-нибудь сам или прочитал в какой-нибудь книге. Постепенно Пётин парт стал самым оживлённым местом в классе. Около неё постоянно толпились ребята. Классный организатор Игорь радовался, что появился ещё один живой, интересный товарищ.

Единственно, что беспокоило Игоря, это поведение Набатова на уроках. Пётя как будто томился¹ и скучал, когда учитель вызывал к доске ученика. При всякой ошибке он с усмешкой откидывался на спинку парты, громко заявлял:

— Невérно! Неправильно! — и порывался ответить.

Даже Андрей Александрович часто делал ему замечания:

— Набатов, подожди. Пусть сам сообразит.

Ученик, стоя у доски, начинал волноваться, поминутно огляды-

---

¹ Томился (томиться) — мучился, изнывал.

вался на Пётю и окончательно терялся¹, увидев на его лице улыбку.

Как-то раз после такого случая Игорь подошёл к Пёте и дружески сказал:

— Ты отличник, тебе всё легко даётся, а другим трудно; поэтому, когда они отвечают, ты их не сбивай зря.

Пётя обиделся и запальчиво² сказал:

— Как это — не сбивай? Я никого не сбиваю. Если что неправильно, указать ошибку каждый может.

— А тебя не просят раньше времени указывать, потому что если человек спокойно подумает, то и сам скажет, без твоей помощи! — рассердился Игорь.

Ребятам не хотелось ссориться с Пётей, но всё-таки они тоже сказали:

— Нехорошо, Набатов, получается! Стоишь у доски, думаешь, мучишься, а тут вдруг перебивает кто-то! Так, может, сам бы нашёл ошибку и Андрей Александрович не засчитал бы, а так выходит, что другой за тебя ответил.

Набатов дернул плечами:

— Лучше бы уроки готовили как следует и не придирались к другим!

Он ушёл недовольный. Витя тоже не стал его ждать в раздевалке, чтобы вместе идти домой. У обоих осталось неприятное чувство. Пётя был уверен, что класс просто завидует ему.

Витя Вóлков, идя домой, думал о товарище: «Как это Пётя не понимает, что плохо вечно высккивать? Да ещё не хочет слушать, что ему говорят, как будто все к нему зря придираются!»

На другой день Пётя вёл себя по-прежнему. Игорь хмурился и сердито кусал губы. Витю начинало сильно раздражать вызывающее поведение³ Набатова. Сидя на уроках позади Пёти, он глядел на его прямые плечи и сердито думал про себя: «Ишь, воображала! Не сидит, а торчит на парте».

Время шло. Прогулки Набатова и Вити по Москве давно прекратились, и, хотя оба мальчика тайне жалели об этом, никто не хотел заговаривать о них первым.

¹ Терялся (теряться) — здесь: терял уверенность в своих знаниях.

² Запальчиво — раздражённо, возмущённо.

³ Вызывающее поведение — дерзкое поведение, оскорбляющее окружающих.

«Наплевать! — горько думал Витя. — Можно со всяким в музей пойти. Жаль только, что я с ним, как с товарищем, говорил, а он просто выскочка, и всё!»

Внимание ребят от Пети неожиданно отвлек Бунька. Один раз Андрей Александрович при всех крепко отчитал мальчика за лень и неряшливость в домашних заданиях, а потом сказал, обращаясь ко всему классу:

— Приближается конец первой четверти. Почти все отстающие подтянулись, но у Буни Пронина никакого желания подтянуться я не вижу. Ваше общее дело — повлиять как-то на товарища, помочь ему выправиться.

Ребята обрушились на Буньку:

— Ты что думаешь, на самом деле?

— Весь класс подвести хочешь?

Посоветовавшись с товарищами, Витя Волков начал помогать Буньке: проверял тетради, спрашивал домашние задания. Часто они оба оставались после уроков.

Дела у Вити прибавилось, и, когда снова подошла его очередь идти к больному товарищу, Игорь сказал, что вместо Вити пойдет Набатов.

Однажды утром Волков подошел к Набатову. Петя сидел за партой и повторял урок.

— Тебе сегодня к Володе идти, — сказал ему Витя.

— Куда? — не поднимая головы от книги, переспросил Петя.

— К Володе Светлову. Ну, к тому товарищу, который болеет. Класс решил послать тебя вместо меня, потому что я сейчас с Бунькой занимаюсь, а твоя очередь всё равно скоро подойдет. Так вот: четверг, пятница и суббота. Не забудь. Отнесешь ему уроки и вообще посидишь с ним, расскажешь, что в классе делается...

— Да я же с ним знаком совсем! — с раздражением сказал Петя.

— Это ничего. Я ему рассказывал о тебе, он очень хочет тебя видеть, посоветоваться о чём-то...

Петя пожал плечами, но спросил адрес. Витя тут же вырвал из блокнота листок, написал название улицы, номер дома, квартиры и отошел.

В этот же день Андрей Александрович вызвал Буньку. Ребята взволновались.

Бўнька стоял у доскi красный, как кумач, и робко поглядывал на товарищей. Те молча старались ободрить его взглядами и улыбками. Витя кивал ему головой. Один Петя сидел равнодушно, положив на парту правую руку и разглядывая свои ногти.

Учитель задал вопрос. Бўнька ответил.

Андрей Александрович спросил ещё что-то. Бўнька опять ответил. Ребята весело переглянулись.

— Хорошо, — сказал Андрей Александрович. — Возьми мел.

Он перелистал страницы учебника и медленно продиктовал несколько предложений.

Бўнька осторожно водил мелом по доске, поминутно оглядываясь на товарищей. Товарищи, встав на партах, следили за каждым словом и одобрительно кивали головой.

Андрей Александрович посмотрел на доску.

— Хорошо, — ещё раз сказал он, глядя, как Бўнька дописывает внизу доски последние слова. — Молодец!

— Неправильно! — вдруг послышался голос Пети. — В данном случае отрицание пишется отдельно от имени существительного, а у него вместе.

— Правильно! Правильно! Держись, Бўнька! — закричал класс.

Но было уже поздно. Бўнька поспешно стёр написанные слова и в замешательстве¹ остановился.

— У него было отдельно! Там было мало места и буквы близко стояли, а так всё правильно было! — крикнул Игорь.

— Правильно! Правильно! — зашумел класс.

— Тихе, — сказал Андрей Александрович и положил руку на плечо Бўньки.

— Почему ты стёр эти слова, ты же правильно написал их? — ласково спросил он. — Значит, ты не уверен?

— Его сбили! Сбили! — закричали ребята.

Андрей Александрович нахмурился, на лбу его появилась резкая морщинка; он перевёл взгляд на Петю Набатова:

— Ты нашёл ошибку, Набатов?

— Мне показалось, что Пронин написал неправильно, — сказал Петя.

— В следующий раз я прошу тебя не торопиться, — недовольно сказал учитель. — А тебе, Пронин, надо отвечать увереннее.

¹ В замешательстве (замешательство) — в смущении, в растерянности.

После урока ребята сорвались с места и окружили Пётю:

— Ты что же, нарочно сбил его?

— Против товарища идёшь?

— Он очень тесно поставил слова, и я решил, что у него ошибка, — оправдывался Пётя.

— Эх, ты! Заторопился! Поднял руку да ещё кричит: «Неправильно, неправильно»!

— Я уже предупреждал тебя, Набатов, как с человеком с тобой говорил, а ты назло нам стал делать! — сердито сказал Игорь.

— Он не товарищ, он выскочка! — расталкивая ребят, презрительно крикнул Витя.

Набатов побледнел, бросил на парту книги:

— Я не товарищ? Я выскочка? Ладно! Плевать мне на вас тогда! И соваться ко мне нечего, а то все лезут, а потом выскочкой называют! А тебе, Волков, я этого не прощу и к товарищу твоему не пойду! Вот! Сами идите! — Он вытащил из кармана листок блокнота с адресом и швырнул его на парту: — Нате! Без меня обойдетесь!

Ребята стояли молча. Когда Пётя ушёл, кто-то тихо сказал:

— Мы-то обойдёмся...

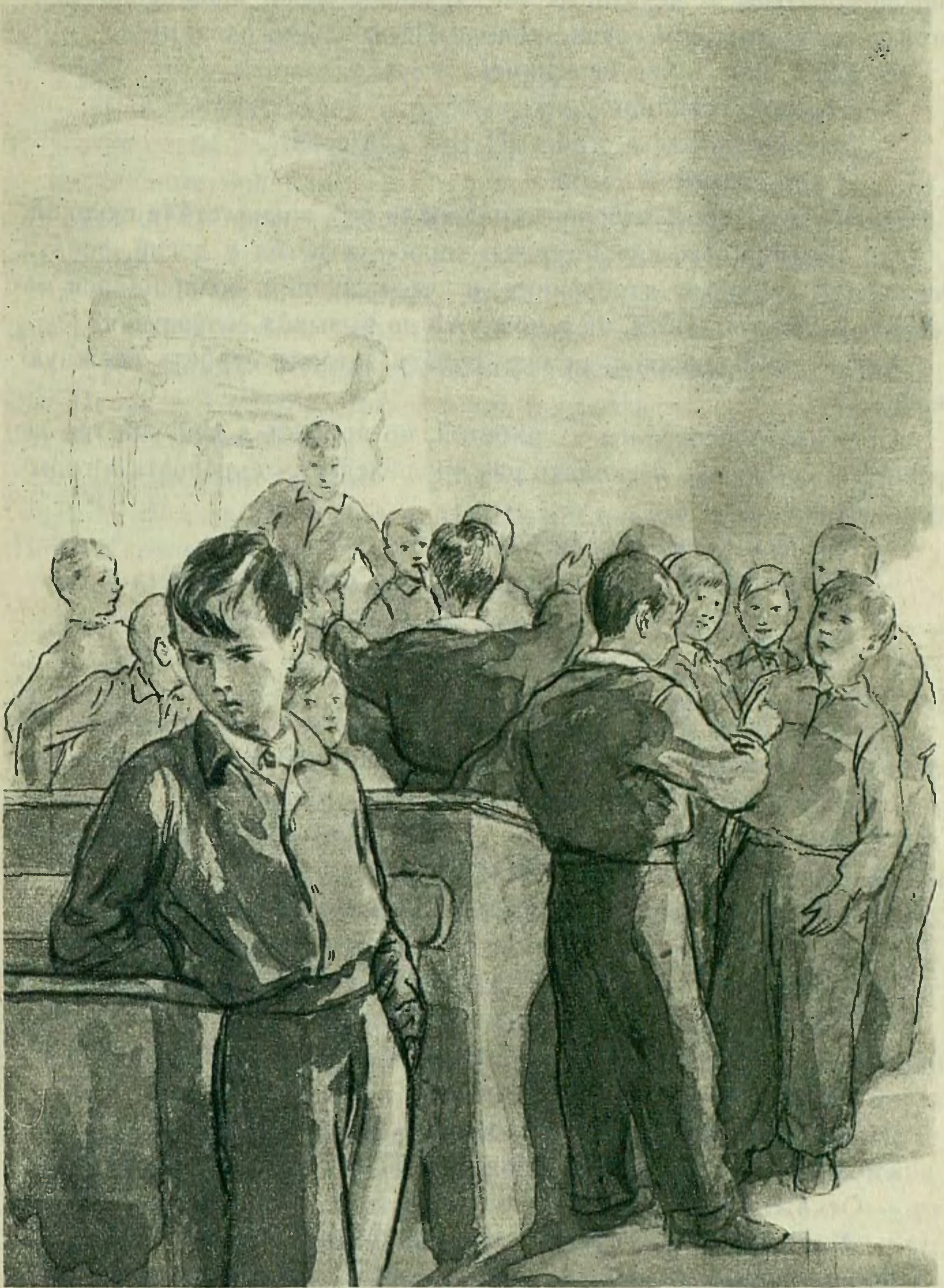
На другой день Пётя пришёл в класс к самому звонку. Усаживаясь на своё место, он старался ни на кого не глядеть. На уроке сидел тихо, делая вид, что очень занят решением примеров. На душе у него было нехорошо. Особенно неприятной была ссора с Волковым. Но всё-таки он решил не сдаваться, думая, что ребята сами подойдут к нему.

Пётя слышал, что Игорь, Витя и другие ребята куда-то собираются пойти после уроков, и, уходя домой, нарочно задержался в раздевалке, как бы разыскивая свою шапку. Но Игорь, весело разговаривая с другими, сухо сказал ему на ходу:

— Я был в библиотеке. Тебе просили передать, чтобы ты зашёл за книгой.

«Подумаешь! — озлился опять Пётя. — Говорит, как чужому! Очень нужно! Да я и сам мириться с ним ни за что не хочу!»

Прошло несколько дней. Пётя приходил в класс, садился на свою парту, но теперь уже ребята не окружали его, как раньше. Большая часть класса как-то отошла от Пёти, перестала им

Пётя стоял и ждал. В глазах его скапливались слёзы.

интересоваться, а некоторые не скрывали своей враждебности и при каждом удобном случае кололи Пётю злыми словами:

— Уйди, нам таких не нужно!

Или громко говорили:

— Бывают на свете эгоисты!¹ Всё для себя!

— И как только не стыдно!

Пётя загрустил. Пятёрки не радовали его, жизнь стала скучной.

Он замечал, что каждого, кто хорошо ответил у доски, ребята встречали дружным одобрением, и тот, сияющий, возвращался на место. Только он, Пётя, ни в ком уже не вызывал сочувствия.

Как-то на большой перемене ребята затеяли строить снежную крепость.

Пётя заинтересовался их работой, но принять в ней участие не решился. Он только несколько раз прошёлся мимо крепости и громко сказал:

— На ночь полить водой нужно.

— Нужно, так польём, — равнодушно ответили ребята.

* * *

Приближался Новый год. Отличники из всех сил помогали отстающим. Каждый хотел с чистой совестью проводить свои каникулы. Самым слабым учеником был всё-таки Бунька.

— Он весь класс подведёт — я его знаю! Вечно няньку себе ищет! — говорил товарищам Вóлков.

Бунька стоял подавленный² и робко повторял:

— Мне только помочь немножко... Я сам стараться буду!

— Знаем мы, какой ты! — сердились ребята.

— Помочь мы тебе поможем, только брось ты на других надеяться!.. Ребята, давайте всё-таки решим, кто с Бунькой будет заниматься? — хмуро спросил Игорь.

Ребята молчали, у всех было много своей работы.

«Я бы мог помочь ему, — подумал Пётя и посмотрел на Буньку. — Откажется... и ребята не захотят...»

— А всё-таки не по-товарищески выходит, — сказал кто-то...

Бунька опустил голову и громко засопел. Пётя вдруг решился:

---

¹ Эгоисты; эгоист — человек, любящий себя больше всех остальных.

² Подавленный — мрачный.

— Я, ребята... — Лицо его покрылось красными пятнами, голос вздрагивал от волнения. — Если вы хотите... если согласны...

Ребята молча повернулись к нему и ждали.

— Я с удовольствием помогу Пронину...

— Без тебя обойдёмся, — протянул кто-то из ребят.

Остальные молчали.

Пётя стоял перед ними и ждал. В глазах его скапливались слёзы. Бунька смотрел на Пётю с удивлением и сочувствием.

— Ну, что же вы? Говорите, что ли... Стоит человек... Тоже, какие-то... — растерянно бормотал он, переводя глаза на товарищей.

— Ну, как, ребята? — притворно равнодушным голосом спросил Игорь. — Набатов свою помощь предлагает.

— Пусть помогает.

— Пусть. Нам-то что!

Витя Вольков прищурился и с презрительной улыбкой оглядел Пётю с головы до ног.

Пётя повернулся и медленно пошёл к своей парте.

Ребята неодобрительно посмотрели на Волькова.

— Лежачего не бьют, знаешь? — тихо бросил ему Игорь и громко сказал: — Набатов! Договорись с Бунькой насчёт занятий.

* * *

Наступили трудные дни. Пётя и Бунька не расставались. Ребята видели, как Пётя медленно и упорно объяснял что-то своему подшефному. Терпению Пёти удивлялся весь класс. Даже Вольков говорил товарищам:

— Если б на меня, я бы не выдержал! Он ему одно, а тот другое!

Однажды ребята подошли к Пёте:

— Ну как? Подвигается дело?

— Подвигается, — сказал Пётя и смущённо улыбнулся.

Бунька похудел, толстые щёки его побледнели, и только уши были красными от волнения.

Андрей Александрович потирал руки и чему-то радовался про себя. После уроков он приходил в пионерскую комнату, рассказывал о своих школьных годах и однажды, глядя на Пётю, сказал:

— Школа даёт человеку знания и учит жить в коллективе.

* * *

На контрольных работах Бунька вёл себя молодцом. Он спокойно выполнял задание; отвечая у доски, не искал глазами поддержки у товарищей, и мел не прыгал в его руке.

Внимание ребят теперь привлекал Пётя. Он волновался. Когда Бунька стоял у доски, Пётя не отрывал от него глаз, безмолвно шевелил губами и болезненно морщился в ожидании ответа. Андрей Александрович часто взглядывал на мальчика. Ребята перешёптывались.

Однажды в раздевалке кто-то окликнул Набатова. Он обернулся и увидел Витю.

— Тебе в какую сторону идти? — небрежно спросил тот.

Пётя вспыхнул и радостно ответил:

— Мне... куда ты...

ПРОСТОЕ ДЕЛО

На каникулы выдался сильный мороз. Москва стояла белая, нарядная; в скверах застывшие деревья закудрявились от инея. Юра и Саша бежали с катка. Мороз колот им щеки, пробирался сквозь варежки к заоченевшим пальцам. До дому было уже недалеко, но, пробегая мимо аптеки, мальчики заскочили туда погреться. Поживаясь и подпрыгивая, они прошли в уголок и увидели около батареи старушку. Она была в тёплом пуховом платке. На горячих трубах сушились её мокрые варежки. Увидев мальчиков, старушка поспешно сдвинула в сторону своё имущество и, вытянув из пухового платка остренький подбородок, сказала:

— Грётесь, грётесь, голубчики! Разошёлся батюшка-мороз, нечего сказать! Бежишь и ног своих не чуешь.

— Замёрзли, бабушка? — весело спросил Юра.

Саша бегло взглянул на красные сморщенные щеки, на тоненькие, как ниточки, морщинки.

— Замёрзла, дёточки! — вздохнула старушка. — И вот, скажи на милость, никуда не хожу, а тут, как на грех, выбралась из дому! — И, обращаясь к мальчикам, как к старым знакомым, пояснила: — За дровами пошла. Дрова у нас кончились. Раньше всё, бывало, дочка моя с соседкой привозила, а сейчас дочка в отъезде, а соседка заболела, — дай, думаю, я сама пойду... Мороз — ведь он, батюшка, и на печи найдёт, коли печь не топлена. Вот и пошла. А на складе-то перерыв, а у меня уж руки, ноги не свои, и мороз дыханье забил. Добежала до угла — да в аптеку. А сейчас уж о дровах и не думаю, только бы до своего дому добраться!

Старушка натянула тёплые варежки, поправила на голове платок:

— Пойду я... Грейтесь, ребятки!

— А мы тоже домой сейчас! У меня дед Мороз половину носа отгрыз! — засмеялся Юра.

— А у меня ухо всю дорогу жевал! А зато каток подморозил здорово! Летись и, как в зеркале, себя видишь! — сказал Саша.

— Вы уши-то под шапки подберите, а то как сыроежки они у вас торчат, — забеспокоилась старушка. — Долго ли отморозить!

— Ничего, нам близко.

— Ну-ну... Мне тоже недалеко. Пойду уж я, пожалуй, — заторопилась старушка.

— И мы пойдём, бабушка!

* * *

Ребята вышли из аптеки и, подпрыгивая, побежали вперёд. Оглянувшись, они увидели старушку. Она закрывала лицо от ветра и шла осторожно, видимо боясь поскользнуться.

— Бабушка! — окликнули мальчики.

Но старушка не услышала их.

Мальчики решили подождать. Засунув в рукава замёрзшие руки, они нетерпеливо топтались на месте.

— Скажи пожалуйста, опять встретились! — радостно удивилась старушка, увидев перед собой знакомые лица.

— Вот так встретились! — расхохотался Саша.

— Не мудрено! — фыркнул Юра и, наклонившись сбоку к пуховому платку, весело крикнул: — Мы вас ждали, бабушка! Держитесь за меня.

Во дворѣ уже слышался бѣйкий стук топора, визжала пила.

— Нас мороз боится! — кричал Саша.

Старушка, ухватившись за Юрин рукав, быстро засеменяла¹ по мёрзлому тротуару. Пробегая мимо ворот, на которых было написано большими буквами: «Дровяной склад», она подняла глаза и с огорчением сказала:

— Открылись теперь. Ишь ты... И квитанция у меня. Да уж бог с ними, с дровами!

Саша остановился:

— Постойте, это ведь быстро! Вы подождите, а мы возьмём с Юркой. Давайте квитанцию!.. Юрка, возьмём дрова!

— Конечно, возьмём. Что нам стоит! — хлопая варежками, сказал Юра. — Давайте квитанцию, бабушка!

Старушка растерянно поглядела на них, порылась в варежке, нашла квитанцию.

— Да как же это? — передавая Саше квитанцию, сказала она. — Да с чего же это вы тут морозиться будете? Я уж как-нибудь нынче обойдусь с дровами-то, у соседей одолжусь... Вон дом-то мой стоит! Ворота красные. Пойдёмте и вы со мной — погреемся.

— Да мы сами возьмём! И привезём сами! — решил Саша. — Идите домой!.. Юрка, проводи. Да узнай толком адрес, — распорядился он.

Старушка ещё раз взглянула на раскрытые ворота склада, на Сашу и, махнув рукой, мелкими шажками пошла по улице. Юра пошёл за ней.

Когда он вернулся, Саша вместе с возчиками уже складывал на санки мёрзлые брёвна и деловито командовал:

— Сухих, дяденька, кладите, берёзовых! Это для старого человека дрова!

* * *

В это время на кухне соседка говорила бабушке:

— Да как же это вы, бабуся, распорядились так? Сунули ребятишкам ордерок и пошли!

— Да так и распорядилась, Марья Ивановна! Да не я и распорядилась-то, а они. Ведь вот какие ребята-то славные! Не помёрзли бы только!

---

¹ З а с е м е н и л а (семенить) — пошла частыми мелкими шагами.

— Да что они, знакомые вам, что ли, бабушка? — спросила соседка.

— Знакомые, Мária Ивановна! Как же не знакомые? С полчаса в аптеке вместе стояли и домой вместе пошли, — отвечала старушка, снимая с себя платок и приглаживая седые, прилипшие к вискам волосы.

Саша и Юра крепкими кулаками застучали в дверь и в облаке морозного пара появились на пороге.

— Дрова привезли, бабушка! Принимайте дрова! Куда складывать? Давайте пилу, перепилить надо. А топор есть? Давайте топор, — командовал Саша.

— Пилу и топор! Сейчас всё перепилим и расколем вам. Что нам стоит! — кричал Юра.

— Боевые внучата у вас, бабуся! Командиры, — басил за их спиной возчик. — Самых знаменитых дровишек привезли!

— Ах ты, батюшки! Привезли! Мária Ивановна, привезли! А вы говорите, знакомые ли! Да при чём же тут знакомство наше, Мária Ивановна, когда галстуки-то на них красные?

А во дворе уже слышался бойкий стук топора, визжала пила. Весёлые мальчишеские голоса с басовитыми нотками распорядились спешно мобилизованными во дворе малышами:

— Носите в сени! Складывайте столбиками!

...Хлопнула дверь. Саша, сбросив перед печкой щепки, отряхнул варежки и сказал:

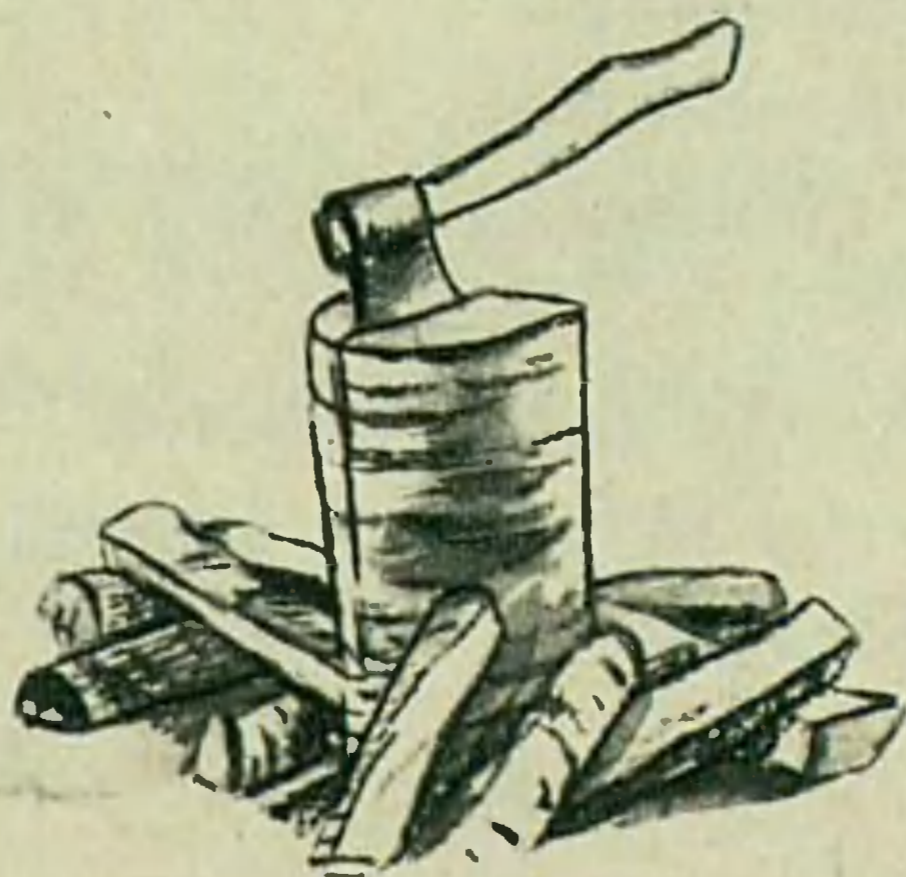
— Всё, бабушка! Не поминайте лихом!

— Соколы вы мой... — растроганно сказала старушка. — Дело-то какое мне сделали, голубчики!

— Нам это ничего не стоит, — смущённо сказал Юра.

Саша кивнул головой:

— Для нас это простое дело!

РЫЖИЙ КОТ

Под окном раздался короткий свист. Прыгая через три ступеньки, Серёжа выскочил в тёмный сад.

— Лёвка, ты?

В кустах сирени что-то копошилось.

— Иди сюда! Живо! — позвал голос.

Серёжа подбежал к товарищу.

— Чего? — спросил он шёпотом.

Лёвка обеими руками прижимал к земле что-то большое, завернутое в пальто.

— Здоровый, как чёрт! Не удержу никак!

Из-под пальто высунулся пушистый рыжий хвост.

— Поймал? — ахнул Серёжа.

— Прямо за хвост! Он как заорёт! Я думал — все выбегут.
— Голову, голову заверни ему получше!
Мальчики присели на корточки.
— А куда мы его денем? — забеспокоился Серёжа.
— Чего — куда? Отдадим кому-нибудь — и basta! Он красивый, его каждый возьмёт.
Кот жалобно замыкал.
— Бежим! А то увидят нас с ним...
Лёвка прижал к груди сверток и, пригибаясь к земле, помчался к калитке.
Серёжа бросился за ним.
На освещённой улице оба остановились.
— Давай привяжем тут где-нибудь — и всё, — сказал Серёжа.
— Нет. Тут близко. Она живо найдёт. Постой!
Лёвка раскрыл пальто и освободил жёлтую усатую мордочку.
Кот зафыркал и замотал головой.
— Тётяшка! Возьмите кошечку! Мышей ловить будет...
Женщина с корзиной окинула мальчиков беглым взглядом:
— Куда его! Своя кошка надоела до смерти!
— Ну и ладно! — грубо сказал Лёвка. — Вон старушка идёт по той стороне, пойдём к ней!
— Бабушка, бабушка! — закричал Серёжа. — Подождите!
Старушка остановилась.
— Возьмите у нас котика! Хорошенький, рыженький! Мышей ловит!
— Да где он у вас? Этот, что ли?
— Ну да! Нам девать некуда... Папа с мамой держать не хотят... Возьмите себе, бабушка!
— Да куда ж я его возьму, голубчики мой! Он небось и жить не станет у меня... Кошка к дому своему привыкает...
— Ничего, станет, — уверяли мальчики, — он любит стареньких...
— Ишь ты, любит...
Старушка погладила мягкую шерстку. Кот выгнул спину, вцепился когтями в пальто и забился в руках.
— Ах ты, батюшки! Замучился он у вас! Ну давайте, что ли, авось приживётся.
Старушка распахнула шаль:

— Иди сюда, миленький, не бойся...

Кот яростно отбивался.

— Уж не знаю, донесу ли?

— Донесёте! — весело крикнули мальчики. — До свиданья, бабушка!

* * *

Мальчики присели на крыльце, насторожённо прислушиваясь к каждому шороху. Из окон первого этажа на дорожку, усыпанную песком, и на кусты сирени падал жёлтый свет.

— Дома ищет. По всем углам, верно, шарит, — толкнул товарища Лёвка.

Скрипнула дверь.

— Кис, кис, кис! — донеслось откуда-то из коридора.

Серёжа фыркнул и зажал ладонью рот. Лёвка уткнулся ему в плечо.

— Мурлышка! Мурлышка!

Нижняя жилка в стареньком платке с длинной бахромой, прихрамывая на одну ногу, показалась на дорожке.

— Мурлышка, противный этакий! Мурлышка!

Она обвела глазами сад, раздвинула кусты.

— Кис, кис!

Хлопнула калитка. Под ногами заскрипел песок.

— Добрый вечер, Марья Павловна! Любимца ищете?

— Твой отец, — шепнул Лёвка и быстро шмыгнул в кусты.

«Папа!» — хотел крикнуть Серёжа, но до него долетел взволнованный голос Марьи Павловны:

— Нет и нет. Как в воду канул! Он всегда вовремя приходил. Поцарапает лапчочкой окно и ждёт, пока я открою ему. Может, только в сарай забился, там дырка есть...

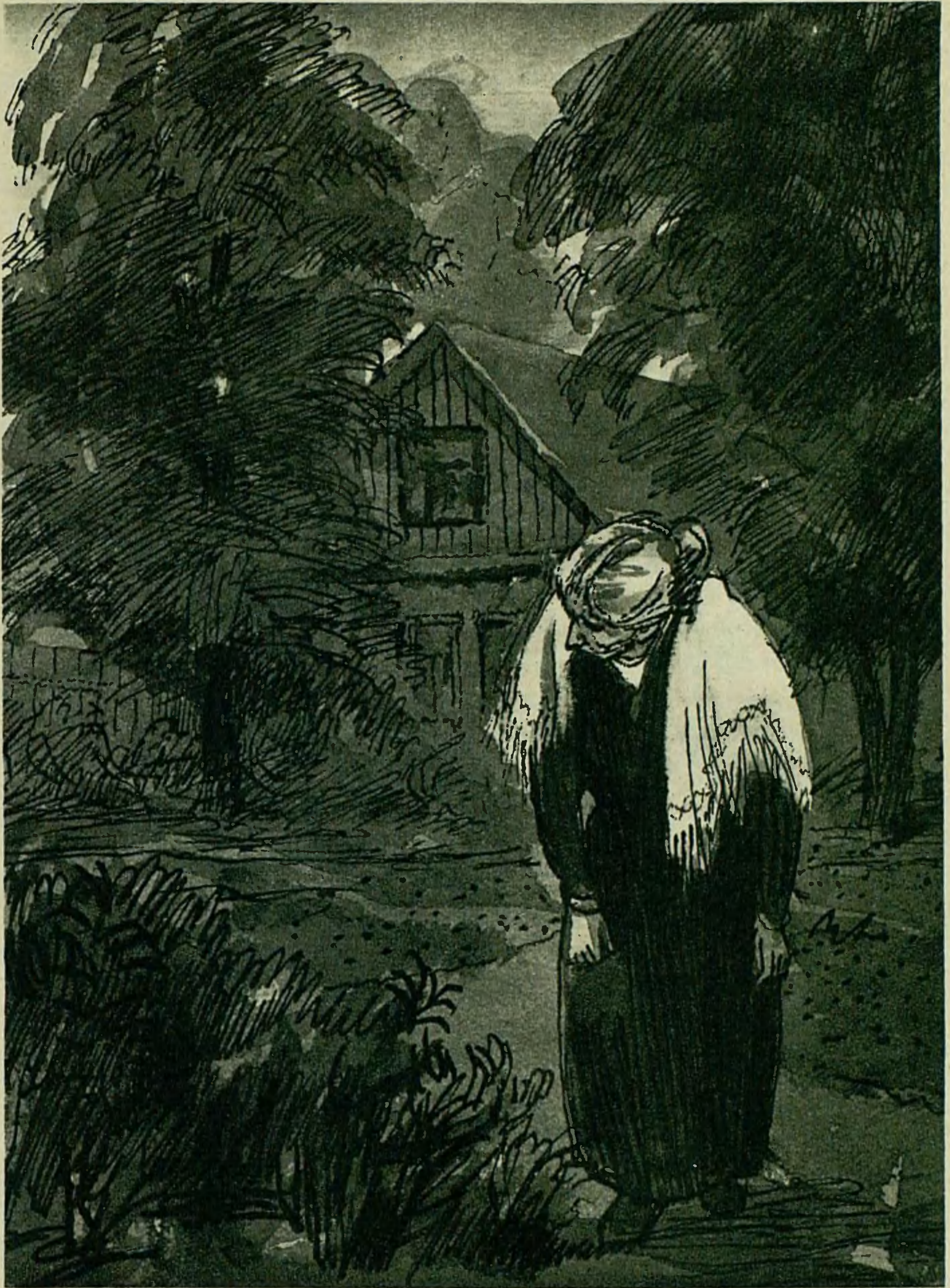
— Давайте посмотрим, — предложил Серёжин папа. — Сейчас мы вашего беглеца обнаружим!

Серёжа пожал плечами:

— Чудак папа. Очень нужно чужого котика ночью разыскивать?

Во дворе, около сараев, забегал круглый глазок электрического фонарика.

— Мурлышка, иди домой, кисонька!

Мáрья Пáвловна в стáреньком платкé с бахромóй, прихра́мывая на одну́ но́гу, шла́ по дорóжке.

— Ищи ветра в поле! — хихикнул из кустов Лёвка. — Вот потеха! Твоего отца искать заставила!

— Ну и пусть пойдёт! — рассердился вдруг Серёжа. — Пойду спать.

— И я пойду, — сказал Лёвка.

* * *

Когда Серёжа и Лёвка ещё ходили в детский сад, в нижнюю квартиру приехали жильцы — мать и сын. Под окном повесили гамак¹. Каждое утро мать, низенькая, прихрамывающая старушка, выносила подушку и одеяло, стелила одеяло в гамаке, и тогда из дому, согрившись, выходил сын. На бледном молодом лице лежали ранние морщинки, из широких рукавов висели длинные, худые руки, а на плече сидел рыжий котёнок. У котёнка были три чёрточки на лбу, они придавали его кошачьей физиономии смешное озабоченное выражение. А когда он играл, правое ушко у него выворачивалось наизнанку. Больной тихо, отрывисто смеялся. Котёнок забирался к нему на подушку и, свернувшись клубком, засыпал. Больной опускал тонкие, прозрачные веки. Мать неслышно двигалась, готовя ему лекарство. Соседи говорили:

— Так жаль! Такой молодой!

Осенью гамак опустел. Жёлтые листья кружились над ним, застревали в сетке, шуршали на дорожках. Мária Павловна, согрившись и тяжело волоча больную ногу, шла за гробом сына... В пустой комнате кричал рыжий котёнок...

* * *

С тех пор Серёжа и Лёвка подросли. Часто, забросив домой сумку с книгами, Лёвка появлялся на заборе. Кусты сирени закрывали его от окна Мária Павловны. Засунув два пальца в рот, коротким свистом он вызывал Серёжу. Старушка не мешала мальчикам играть в этом уголке сада. Они барахтались в траве, как два медвежонка. Она смотрела на них из окошка и перед дождём прятала брошенные на песке игрушки.

---

¹ Г а м а к — подвесная сетка для сидения и лежания, привязываемая к деревьям, столбам.

Как-то летом Лёвка, примостившись на заборе, помахал рукой Серёже:

— Смотри-ка... рогатка у меня. Сам сделал! Бьёт без промаха!

Рогатку испробовали. Мелкие камешки запрыгали по железной крыше, прошумели в кустах, ударились о карниз. Рыжий кот сорвался с дерева и с шипением прыгнул в окошко. Шерсть стояла дыбом на его выгнутой спине. Мальчики захохотали. Мária Павловна выглянула из окна.

— Это нехорошая игра — вы можете попасть в Мурлышку.

— Так что же, из-за вашего котá нам и поиграть нельзя? — дерзко спросил Лёвка.

Мária Павловна пристально посмотрела на него, взяла Мурлышку на руки, покачала головой и закрыла окно.

— Ишь, недотрога какáя! Ловко я её отбрёл, — сказал Лёвка.

— Она небось обиделась, — отозвался Серёжа.

— Ну и наплевать! Мне в водосточную трубу попасть хочется. Лёвка прищурился. Камешек исчез в густой листве.

— Мимо! На, ты попробуй, — сказал он Серёже. — Прищурь один глаз.

Серёжа выбрал камешек покрупнее и натянул резинку. Из окна Мáрьи Пáвловны со звоном посыпались стекла. Мальчики замерли. Серёжа испуганно оглядывался по сторонам.

— Бежим! — шепнул Лёвка. — А то на нас скажут!

Утром пришёл стекольщик и вставил новое стекло. А через несколько дней Мária Павловна подошла к ребятам:

— Кто из вас разбил стекло?

Серёжа покраснел.

— Никто! — выскочил вперёд Лёвка. — Самó лопнуло!

— Неправда! Разбил Серёжа. И ничего не сказал своему папе...

А я ждала...

— Нашли дураков! — фыркнул Лёвка.

— Чего это я сам на себя пойду говорить? — пробурчал Серёжа.

— Надо пойти и сказать правду, — серьёзно сказала Мária Павловна. — Разве ты трус?

— Я не трус, — вспыхнул Серёжа. — Вы не имéете права так меня называть!

— А почему же ты не сказал? — пристально глядя на Серёжу, спросила Мária Павловна.

— Отчего, да почему, да по какому случаю... — запёл Лёвка. — Неохота разговаривать! Пошли, Серёжка!

Мária Павловна посмотрела им вслед.

— Один трус, а другой грубиян, — сказала она с сожалением.

— Ну и ябедничайте! — крикнули ей ребята.

Настали неприятные дни.

— Старуха обязательно пожалуется, — говорил Лёвка.

Мальчики поминутно вызывали друг друга и, прижав губы к круглой дырке в заборе, справлялись:

— Ну как? Влетело тебе?

— Нет ещё... А тебе?

— И мне нет!

— Вот злющая какая! Она нарочно нас мучает, чтоб мы боялись больше. А если б про неё рассказать, как она нас обругала! Попало б ей на орехи! — шептал Лёвка.

— И чего она прицепилась за какое-то несчастное стекло? — возмущался Серёжа.

— Вот подожди... я ей устрою штуку! Будет она знать...

Лёвка показал на мирно спящего за окном Мурлышку и зашептал что-то на ухо товарищу.

— Да, хорошо бы, — сказал Серёжа.

Но кот дичился чужих людей и ни к кому не шёл. Поэтому, когда Лёвке удалось его поймать, Серёжа проникся уважением к товарищу.

«Вот ловкач!» — подумал он про себя.

* * *

Укрывшись с головой одеялом и освободив одно ухо, Серёжа прислушивался к разговору родителей. Мать долго не ложилась спать, открывала окно, и, когда со двора доносился голос Мării Павловны, она разводила руками и спрашивала отца:

— Как ты думаешь, Митя, куда он мог деться?

— Ну что я могу думать! — усмехнулся отец. — Пошёл кот погулять — вот и всё. А может, украд кто-нибудь, есть такие подлецы...

Серёжа похолодел: вдруг соседи видели их с Лёвкой?

— Не может быть, — решительно сказала мать, — на этой улице все знают Мэрию Пэвловну. Никто так не обидит старую, больную женщину...

— А ты вот что, — зевая, сказал отец: — если утром кот не найдётся, отряди Серёжу хорошенько поискать по соседним дворам — ребята скорее найдут.

«Как бы не так», — подумал Серёжа.

* * *

Утром, когда Серёжа пил чай, в кухне слышались громкие голоса. Жильцы обсуждали пропажу кота. Сквозь шум примусов слышно было, как соседка Эсфирь Яковлевна бегала из кухни в комнату и кричала своему мужу:

— Миша, почему ты не интересуешься чужим несчастьем? Я спрашиваю, где найти этого кота?

Старичок профессор, заложив за спину коротенькие пухлые руки, взволнованно шагал по кухне:

— Пренеприятное событие... Невозможно оставаться равнодушным...

Серёжа отхлебнул холодный чай и отодвинул чашку. «Все орут... и чего орут, сами не знают. Великая важность — кот! Если бы ещё служёбная собака пропала...»

Из соседней комнаты вышла мать:

— Эсфирь Яковлевна! Вы не волнуйтесь, я сейчас отправлю Серёжу на поиски.

— Ох, умоляю вас... ведь этот Мурлышка — чтоб он сгорел! — вся её жизнь.

Серёжа схватил тюбетейку и незаметно проскользнул мимо женщин.

«Вот тарарам подняли! Знал бы — не связывался, — с досадой подумал он. — А старуха тоже хороша! Расплакалась на весь двор!»

Его потянуло посмотреть на Мэрию Пэвловну.

Засунув руки в карманы и небрежно покачиваясь, он пошёл по саду.

Из-за забора выглянул Лёвка. Серёжа подошёл ближе.

— Слезай, — сказал он хмуро. — Наделал, дурак, шуму на весь двор.

А что? Ищет она? — с заблестевшими глазами спросил Лёвка

— Ищет... Всю ночь проплакала...

— Врёшь! — усомнился Лёвка и сейчас же добавил: — А может, и правда... Ведь она знаешь как любила его...

— Я говорил — привязать за лапу только, а ты совсем отдал, дурак этакий!

— Эх, ты! Испугался! — прищурился Лёвка. — А я вот ни чуточки!

— Идёт, — тревожно шепнул Серёжа.

Марья Павловна прыгающей, неровной походкой шла по дорожке. Седые волосы, связанные узлом на затылке, растрепались, и одна прядь рассыпалась по смятому воротничку. Она подошла к мальчикам.

— У меня Мурлышка пропал... Не видели ли вы его, ребятки? — Голос у неё был тихий, глаза серые, пустые.

— Нет, — глядя в сторону, сказал Серёжа.

— Мы не видели, — поспешно добавил Лёвка.

Марья Павловна вздохнула, провела рукой по лбу и медленно пошла домой. Лёвка скорчил гримасу.

— Подлизывается... А вредная всё-таки, — он покрутил головой, — такими словами ругается! «Грубиян!» — это хуже не знаю чего! А теперь подлизывается: «Мальчики, не видели моего котика?» — тоненько протянул он.

Серёжа засмеялся:

— И правда, самая виновата... Думает, если мы дети, так мы и постоять за себя не сумеем!

— Фи! — свистнул Лёвка. — Плакса какая! Подумаешь — рыжий кот пропал!

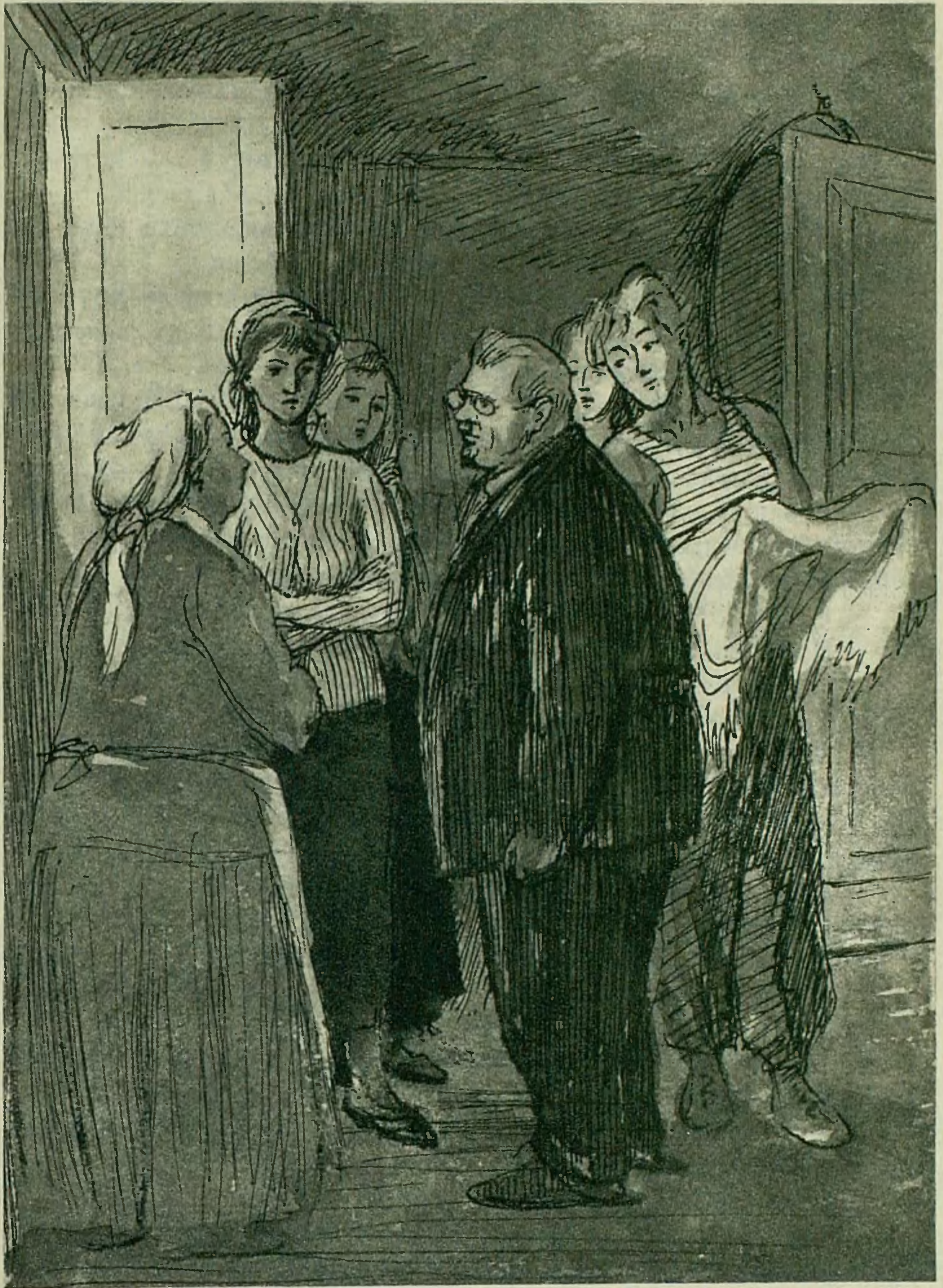
— Да он, говорят, у неё ещё при сыне был. Так она его на память держала.

— На память? — удивился Лёвка и, вдруг хлопнув себя по коленке, захлебнулся от смеха: — Рыжего котика на память!

Мимо прошёл старик профессор. Подойдя к раскрытому окошку Марьи Павловны, он постучал указательным пальцем в стекло и, положив локти на подоконник, заглянул внутрь комнаты.

— Ну как, Марья Павловна? Не нашёлся ещё?

Мальчики прислушались.

Жильцы́ обсужда́ли пропа́жу ко́та.

— А ётот-то чегó лёзет? — удивйлся Лёвка.

— Жалёет её, — шепнул Серёжа. — Всем жалко почему-то... Обругала бы их, как нас, не стали бы жалеть! Пойдём послушаем, может, она на нас наговаривать ему будет.

Они подошли близко и спрятались за кустами.

Марья Павловна говорила:

— Дóлго он Кóлю забыть не мог... И на кладбище со мной ходил... Бýло что-то тёплое, живóе... Кóлино...

Окóшко звякнуло. Мáльчики испуганно посмотрели друг на друга.

Старик профессор заволновался:

— Марья Павловна! Голубушка! Что вы? Что вы? Выручим мы вáшего Мурлышку. Вот я тут придумал кое-что. — Он дрожащими пальцами поправил пенсне и полёз в боковой карман. — Вот тут объявлениице я написал, хочу попросить ребяток расклеить где-нибудь на столбах. Тóлько успокойтесь, пожалейте себя!

Он оторвался от окна и зашагал к дому.

— Ребята! Ребятки!

— Иди! — вдруг струсил Лёвка.

— Сам иди! — огрызнулся Серёжа.

Старик подошёл к ним:

— А ну-ка, молодые люди! К вам поручение имеется. Не откажите старику, сбегайте повесьте объявления. Где-нибудь на людных местах. А? Живенько! — Он кивнул на окóшко... — Жалко старушку, надо помочь ей как-нибудь... А?

— Мы... пожалуйста, — промямлил Серёжа.

Лёвка протянул руку:

— Давайте! Мы сейчас... быстро. Айда, Серёжка!

— Ну-ну, вот и молодцы!

Мáльчики выскочили на улицу.

— Прочти-ка, чего тут? — сказал Серёжа.

Лёвка развернул листок:

— Пятьдесят рублей! Ого! Ско́лько денег-то! За како́го-то рыжего котá! Спятил он, что ли?

Серёжа пожал плечами.

— Все спятили, — хмуро сказал он. — Мóжет, все жильцы дадут. Мой отец дал бы тоже. На кнопки, держи.

— А где повесим? На людных местах надо.

— Пошли к кооперативу. Там всегда народ толчется.
Мальчики побежали.

— А другую бумажку на вокзале повесим — там тоже много людей, — запыхавшись, сказал Серёжа.

Но Лёвка вдруг остановился:

— Тпру, Серёжка, стой! Ведь мы же влипнем с этой штукой, как мухи в мёд, влипнем! Ну и дураки! Вот дураки!

Серёжа схватил его за руку:

— Бабушка принесёт, да? И скажет про нас, да?

Лёвка, что-то соображая, яростно грыз ногти.

— Как же теперь быть? — заглядывая ему в лицо, спросил Серёжа.

— Порвём, — топнул ногой Лёвка, — и в землю закопаем!

— Не надо, — сморщился Серёжа, — все спрашивать будут... Опять врать придётся...

— Ну и что — врать? В одно будем говорить!

— А может, бабушка принесла бы котá — и делу конец? Может, не рассказала бы про нас?

— «Может, может»! — передразнил Лёвка. — Понадётся на старуху, а она как раз подведёт, разболтает по всему двору.

— Верно, — вздохнул Серёжа. — Никак нельзя! Папа сказал: «Подлецы украли какие-то»...

— Здорово живёшь, ещё подлецами сделают! Пошли за угол, порвём и зароем под скамейкой.

Мальчики завернули за угол и сели на скамейку. Серёжа взял бумажки и, комкая их в руках, сказал:

— А она-то опять ждать будет... Пожалуй, и спать не ляжет сегодня...

— Ясно — не ляжет... А отчего у ней сын-то умер?

— Не знаю... Болел долго... А ещё раньше муж умер. Один кот остался, а котá нет... Обидно ей всё-таки!

— Ну ладно! — решительно сказал Лёвка. — Не пропадать же нам из-за этого! Давай рви!

— Сам рви! Почему я должен? Хитёр тоже!

— Давай по-честному: ты одну и я одну! Давай! Вот!

Лёвка разорвал объявление на мелкие кусочки.

Серёжа сложил бумажку и медленно разорвал её пополам. Потом схватил щепку и выкопал ямку.

— Кладí! Засыпáй покрéпче!

Оба облегчённо вздохну́ли.

— Не ругáла бы нас таки́ми слова́ми, — беззлобно сказа́л Лёвка.

— А про стекло́ она́ всё-таки никому́ не сказа́ла, — напóмнил ему́ Серёжа.

— Ну и ла́дно! Надо́ело мне с э́тим вози́ться! Я лу́чше за́втра в шко́лу пойду́. Там на́ши ребята́ в футбо́л игра́ют. А то все кани́кулы зря пройду́т.

— Не пройду́т... Ско́ро в ла́герь по́едем. Там хоть ме́сяц без неприятностей поживём...

Лёвка нахму́рился:

— Пошли́ домо́й, что ли?

— А что ска́жем?

— Повеси́ли — вот и всё! Одно́ сло́во совра́ть то́лько: «Повеси́ли».

— Ну пойдём!

Старичо́к всё ещё сто́ял у око́шка Ма́рьи Па́вловны.

— Ну как, ребята́ки? — закрича́л он.

— Повеси́ли! — неожиданно крикну́ли о́ба.

* * *

Прошло́ не́сколько дней: О Мурлы́шке не́ было ни слуху́ ни духу́. В ко́мнате Ма́рьи Па́вловны бы́ло ти́хо. В сад она́ не выходи́ла. То одни́, то други́е жильцы́ навеща́ли стару́шку.

Ка́ждый день Эсфи́рь Яковлевна посыла́ла му́жа:

— Ми́ша, иди́ немедленно и снеси́ бе́дной же́нщине варёнья. Де́лай вид, что ничегó не случи́лось, и не поднима́й вопро́са о до́машних живóтных.

— Ско́лько го́ря на одно́го челове́ка навали́лось! — вздыха́ла мать Серёжи.

— Да, — хму́рил брóви оте́ц, — всё-таки непостижи́мо, куда́ э́то Мурлы́шка де́лся? И на объявление́ никто́ не яви́лся. На́до ду́мать, соба́ки загна́ли куда́-нибудь бедня́гу.

По утра́м Серёжа поднима́лся в мра́чном настро́ении, пил чай и бежа́л к Лёвке. Лёвка то́же ста́л невесёлый.

— Не пойду́ я на твой двор, — говори́л он, — дава́й здесь игра́ть!

Как-то вечером, сидя на заборе, они увидели, как в окошке Марьи Павловны тихонько поднялась штора. Старушка зажгла маленькую лампочку и поставила её на подоконник. Потом, согрившись, подошла к столу, налила в блюдечко молока и поставила его рядом с лампочкой.

— Ждёт... Думает, он увидит свет и прибежит...

Лёвка вздохнул:

— Всё равно не придёт он. Заперли его где-нибудь. Я бы мог ей овчарку достать, мне обещал один мальчик. Только я себе хотел её взять. Хорошая собака...

— А знаешь чего? — вдруг оживился Серёжа. — Тут у одной тётеньки много котят родилось, пойдём завтра попросим одного. Может, как раз рыженький попадётся. Отнесём ей, она обрадуется и забудет своего Мурлышку.

— Пойдём сейчас! — соскочил с забора Лёвка.

— Да сейчас поздно...

— Ничего... Скажем — обязательно, обязательно надо скорее!

— Серёжа, — крикнула мать, — спать пора!

— Придётся завтра, — разочарованно сказал Лёвка. — Только с утра. Я тебя ждать буду.

* * *

Утром мальчики вскочили рано. Чужая тётенька, у которой кошка родила шестерых котят, встретила их приветливо.

— Выбирайте, выбирайте, — говорила она, вытаскивая из корзины пушистые комочки.

Комната наполнилась писком. Котята едва умели ползать, лапы у них разъезжались, мутные круглые глазки удивлённо смотрели на мальчиков.

Лёвка с восторгом схватил жёлтенького котёнка:

— Рыжий! Почти что рыжий! Серёжа, смотри!

— Тётя, можно этого взять? — спросил Серёжа.

— Да берите, берите! Хоть всех берите, куда их девать?

Лёвка сорвал с головы картуз, посадил в него котёнка и убежал на улицу. Серёжа, подпрыгивая, торопился за ним.

У крыльца Марьи Павловны оба остановились.

— Иди первый, — сказал Лёвка. — Она с вашего двора...

— Вместе лучше...

Онѣ на цыпочках прошлѣ по коридору. Котёнок пищал и барахтался в картузѣ. Лёвка тихонько постучал.

— Войдите, — отозвалась старушка.

Ребята боком протиснулись в дверь. Марья Павловна сидела перед раскрытым ящиком стола. Она удивленно подняла брови и вдруг заволновалась:

— Что это пищѣт у вас?

— Это мы, Марья Павловна... Вот рыжего котёночка вам... Чтобы вмѣсто Мурлышки был...

Лёвка положил картуз на колѣни старушки. Из картуза выглянула большеглазая мордочка и жёлтый хвостик...

Марья Павловна нагнула голову, и в картуз быстро-быстро закапали слёзы. Мальчики попятились к двери.

— Подождите... Спасѣбо вам, голубчики, спасѣбо. — Она вытерла глаза, погладила котёнка и покачала головой. — Всем мы с Мурлышкой хлопот надѣлали. Только напрасно вы беспокоились, ребятки... Отнесите котёночка назад... Я уж так не привыкну к нему...

Лёвка, держась за спинку кровати, прирос к полу. Серёжа морщился, как от зубной боли.

— Ну ничего, — сказала Марья Павловна. — Что же дѣлать? Вот у меня карточка на память...

Она показала на маленький столик около кровати. Из деревянной рамки глянули на мальчиков большѣе печальные глаза, улыбающееся лицо и рядом удивлённая усатая мордочка Мурлышки. Длинные пальцы больногo тонули в пушистой шерстке.

— Любил он Мурлышку... Сам кормил. Бывало, развеселится и скажет: «Мурлышка никогда нас не бросит, он всё понимает...»

Лёвка присел на краешек постели, уши у него горѣли, от них было жарко всей голове, и на лбу выступил пот...

Серёжа мельком взглянул на него. Обoим вспомнилось, как царапался и отбивался пойманный кот.

— Мы уж пойдѣм, — тихо сказал Лёвка.

— Мы пойдѣм, — вздохнул Серёжа, пряча в картуз котёнка.

— Идите, идите... отнесите котёночка, хорошие мои...

* * *

— Вот, — сказа́л Лёвка, перепрыгнув через забор и с размаху хлопнувшись на землю, — буду здесь сидеть всю жизнь!

— Ну? — недоверчиво протянул Серёжа, присаживаясь перед ним на корточки. — Так не просидишь!

— Хоть бы в лагерь скорее ехать! — с отчаянием сказа́л Лёвка. — А то распускаешься только на каникулах, и всякие неприятности получа́ются. Встанешь утром — всё ничего́, а потом — бац! — и наделаешь чего-нибудь! Я, Серёжа, средство изобрёл, чтобы не ругаться, на пример...

— Как это? Соли на язык посыпать, да?

— Нет. За́чем соли? Просто, как рассердишься очень, сразу отверни́сь от того́ человека, зажму́рь глаза́ и счита́й: раз, два, три, четыре... пока́ злость не пройдёт. Я уже так про́бовал, мне помога́ет!

— А мне ничего́ не помога́ет, — махну́л руко́й Серёжа. — Ко мне очень одно́ слово прицепля́ется.

— Какое? — заинтересова́лся Лёвка.

— «Дура» — вот какое! — шепну́л Серёжа.

— Отуча́йся, — стро́го сказа́л Лёвка и, растянувшись на спине́, вздохну́л: — Если б этого́ котá достать, тогда́ бы всё хорошо́ было...

— Я тебе́ говори́л, за лапу привяза́ть...

— Дура́к! Попуга́й несчастный! — вскипе́л Лёвка. — Ты мне только повтори́ это ещё раз, я тебе́ таких пилюлей наве́шаю! За лапу, за лапу, за хвост! Искать на́до, вот что! Балда́ дура́цкая!

— Счита́й, — уныло сказа́л Серёжа, — счита́й, а то о́пять руга́ешься! Эх ты, изобре́татель!

* * *

— Вот так мы шли, а так она́ шла. — Лёвка показáл руко́й на друго́ю сто́рону у́лицы.

Серёжа, прислоня́сь к забору, грыз зелёную веточку́ сирени.

— Стару́хи все похо́жи, — сказа́л он, — все морщи́нистые и сго́рбленные.

— Ну нет, есть такие́ прямы́е, дли́нные, как палки, тех легко́ узна́ть. То́лько на́ша низенькая́ была́...

— В платкѣ, что ли? — спросил Лёвка.

— Да, да, в платкѣ. Эх, какáя старуха! — с горечью сказа́л Серёжа. — Сра́зу взяла́ и утащи́ла. Да́же ничего́ не спроси́ла то́лком: чей кот? Мо́жет быть, ну́жен о́чень.

— Ну ла́дно, — нахму́рился Лёвка. — Найдѣм ка́к-нибудь. Мо́жет, она́ бли́зко живѣт. Старухи далеко́ не хо́дят...

— Ки́лометра́ два, а то и три любáя старуха: тепѣрь мо́жет отмахáть. Да ещё в каку́ю сто́рону...

— А хоть во все четы́ре сто́роны! Мы всю́ду пойдѣм! Сего́дня — в одну́, за́втра — в друго́ю. И в ка́ждый двор бу́дем загля́дывать!

— Так всё ле́то и прохóдишь! Хорошо́, е́сли до ла́герьа, а то и попла́вать не успе́ешь...

— Эх ты, пловец! Спусти́л чужо́го котá чѣртовой ба́бушке и иска́ть не хо́чет! — озли́лся Лёвка. — Пойдѣм лу́чше. Три киломе́тра напрямки́!

Серёжа вы́плюнул изо рта вѣтку и зашага́л ря́дом с това́рищем:

— Хоть бы раз в жи́зни повезло́!

* * *

Но ма́льчикам не везло́. Наоборот, дела́ пошли́ ещё х́уже.

— Где ты шата́ешься, Серёжа? Избе́гался, почерне́л... С утра́ до вѣчера пропада́ешь! — серди́лась мать.

— Да чего́ мне до́ма де́лать-то?

— Ну, в шко́лу бы сходи́л. Там ребята́ на качеля́х кача́ются, в футбо́л игра́ют...

— Ну да, в футбо́л! Очень интере́сно... Подобьют но́гу, оста́нусь хромы́м на всю жизнь, сама́ тогда́ брани́ть бу́дешь. А то ещё с качелей упаду́.

— Скажи́те пожа́луйста! — разводила́ рука́ми мать. — Да с ка́ких э́то пор ты та́ким тихо́ней сде́лался? То всё пристава́л: купи́ футбо́льный мяч, покóя нам с отцо́м не дава́л, а тепѣрь... Смотри́ у меня́, я тво́и шту́ки разгада́ю...

Лёвке то́же влетáло от отца́.

— «Что ты, говори́т, как петух, на забóре торчи́шь? Займи́сь, говори́т, чём-нибудь наконéц», — жа́ловался Лёвка Серёже.

Мно́гие у́лицы бы́ли исхо́жены за э́то вре́мя. В одно́м дворе́ на кры́ше показáлся ры́жий кот. Реба́та о́прометью броси́лись за ним.

— Держи! Держи! Заходи вперед! — кричал Лёвка, задрав вверх голову.

Кот вскочил на дерево. Обдирая колёнки, Лёвка полёз за ним. Но Серёжа, стоя внизу, разочарованно крикнул:

— Слезай! Не тот: грудка белая и лицо не такое.

А из дома выскочила толстая тётка с ведром.

— Опять голуби! — закричала она. — Вот я вас отучу от своего двора! Марш отсюда!

Она взмахнула ведром и окатила Серёжу холодной водой. На спине и на трусах осела картофельная шелуха. Мальчики как ошпаренные выскочили за ворота. Серёжа стиснул зубы и схватил камень.

— Счита́й! — тревожно крикнул Лёвка. — Счита́й скорей!

— Раз, два, три, четыре... — начал Серёжа, бросил камень и расплакался. — Дура, дура, дура! Как ни счита́й, всё дура!

Лёвка молча выжимал на нём трусики, отряхивая с них приставшую шелуху.

* * *

Ночью шёл дождь. Шлёпая босыми ногами по тёплым лужам, Лёвка поджидал Серёжу. Из раскрытых окон верхней квартиры доносились громкие голоса взрослых.

«Нас ругают, — испугался Лёвка. — Обоих или одного Серёжу к стенке припёрли? Только за что? (За эти дни как будто ничего плохого они не сделали.) Сделали не сделали, а взрослые, если захотят, всегда найдут, к чему придраться».

Лёвка спрятался в кусты и прислушался.

— В конце концов, я этого совсем не одобряю — получить себе чахотку из-за несчастного котика! — раздражённо кричала Эсфирь Яковлевна. — Она же маковой росинки в рот не берёт...

— Бесполезное животное, в общем... — начал профессор.

Лёвка презрительно улыбнулся.

«Хорошо им разговаривать, а ей, бедной, даже и кушать не хочется, — с жалостью подумал он о Марье Павловне. — Если бы у меня была овчарка, я бы её любил, воспитывал, и вдруг бы она пропала! Ясно — обедать не стал бы. Квас какой-нибудь выпил — и всё!»

— Ты чего стоишь? — толкнул его Серёжа. — Пойдём скорей, пока мать занята.

— Пойдём, — обрадовался Лёвка, — а то скоро в лагерь!

Решено было сходить на рынок.

— Там старух видимо-невидимо! — клялся Лёвка. — Кто за молоком, кто за чем! Соберутся в кучку около возов — сразу всех видно. Может, и наша там!

— Я уже теперь её помню, она мне снилась, — говорил Серёжа: — низенькая, сморщенная. Только бы увидеть такую!

День был праздничный. На рынке беспорядочно толкался народ. Серёжа и Лёвка, поддёргивая трусики, озабоченно заглядывали под каждый платок. Завидев подходящую старушку, они мчались ей наперерез, сбивая с ног домашних хозяек.

— Бесстыдники! Хулиганы! — кричали им вслед.

В самой гуще людей мальчики заметили школьного преподавателя. Они спрятались от него за ларёк, дождалось, пока он скрылся, и снова забегали по рынку. Старух — высоких, низеньких, толстых и худых — было много.

— Но где же наша? — сердился Лёвка. — Хоть бы мяса пришла купить себе! Неужели она обед не варит?

Солнце начинало сильно припекать. Волосы прилипли ко лбу.

— Напьемся квасу, — предложил Лёвка.

Серёжа вытащил из кармана двадцать копеек.

— Кружку на двоих! — заказал он.

— Хоть и на троих, — лениво буркнул торговец, вытирая платком красное лицо.

— Пей, — сказал Серёжа, отметив пальцем середину кружки. — Пей до сих пор.

Лёвка, закрыв глаза, медленно потянул холодную жидкость.

— Пёнки оставь, — забеспокоился Серёжа.

Низенькая старушка в чёрном платке подошла к ним сбоку и с любопытством оглядела обоих.

— Не то я обозналась, ребятки, не то нет, — громко сказала она.

Серёжа оторопело глянул на неё и с размаху толкнул товарища:

— Смотри!

У Лёвки цокнули зубы и на шею плеснул квас.

— Эх! — рывкнул он, растопырив руки. — Серёжа! Она! Она!

— Бабушка, это вы? — задыхаясь, спросил Серёжа.

— Ну да, ну да, — закивала головой старушка.

Лёвка подпрыгнул и, размахивая кружкой, заорал во всё горло:

— Старушечка! Миленькая!

Продавец, перегнувшись через прилавок, дернул его за трусики:

— Кружку верните, гражданин!

Лёвка, не глядя, сунул ему пустую кружку.

Серёжа почесал затылок и облизнул сухие губы.

— Бабушка, бежим к вам домой! Сколько километров? Четыре, пять? — подхватывая старушку под руку, захлёбывался Лёвка.

— Стой, стой! Батюшки мой, очумел ты, что ли? — отбивалась она.

— Пойдём, пойдём, бабушечка! — Лёвка на ходу чмокнул старушку в сухую щеку.

— Ишь, как бабушку свою любят ребята, — расплылась в улыбке молочница. — Поглядеть любо!

— Затормошили совсем, — покачал головой какой-то старик.

— Напрямик? — орал Лёвка, расталкивая прохожих. — Жарь, бабушка!

— Голубчики, голубчики, весь народ повалили кругом себя. Лёшие этакие! — сердилась старушка.

У ворот рынка она упёрлась ногами в землю и тоненько закричала:

— Да чего вам от меня надобно-то?

— Котика рыжего, бабушка, — помните, мы отдали вам вечером, на улице...

— Сестрёнка плачет по нём, исхудала, как спичка, — затынул Лёвка.

— Ишь ты... Назад, значит, взять хотите?

— Назад! Сейчас же назад!

— Вот, вот... Ну так бы и сказали, а то разорвали было на части...

— Да жив ли он ещё? — испуганно спросил Серёжа.

Старушка вынула сложенный вчетверо платочек, обтерла лицо и не спеша засеменяла по тротуару.

— Жив или нет? — простонал Лёвка.

— А с чего ему помирать-то? Толстый такой котыще... И то

п^ра^вда, забирайте вы его л^учше — бестолк^овый, страсть! Т^олько и л^азит по всей кварт^ире, по всем угл^ам нюхает...

— Пускай нюхает! Бежим, бабушка!

Старушка высвободила руку из Лёвкиных пальцев:

— Убери клещи-то... Такой и кот твой надоёдный, как ты... Утром орёт и ночью встанет — орёт. Совсем не нравится он мне. Уж я его дочке отдала.

— Как — дочке? Какой ещё дочке? Раз, два, три, четыре...

— Насовсем? — ахнул Серёжа.

— Зачем насовсем? На подержание.

— Да где она живёт хоть?

— Дочка-то? В Москв^е. Где же ей жить, там у ней и д^етки...

— Адрес дайте, — сказал Лёвка, сжимая з^убы.

— Какой адрес? Одна-то я не езжу туда... Г^ород шумный... Покойник зять, бывало, и на метр^о прокатит...

Серёжа махнул рукой:

— Пропал Мурлышка!

— Ну нет! — закипел Лёвка. — Я и в Москв^у поеду и с покойником на метр^о прокачусь. Как щепка высохну, а достану этого кот^а!

— Да чего его доставать-то? — вдруг сказала старушка. — Привезла его вчера^{сь} дочка. Вот домик-то мой. Заходите, гостями будете!

Она круто свернула к маленькому крылечку, зазвенела ключами и погрозила пальцем в окно:

— Сиди, сиди, рыжий! Чего выставился? Стекло продавишь, стойчивый-какой...

Лёвка прыгнул в палисадник, уцепился обеими руками за раму и прижался носом к окну:

— Мурлышка! Усатенький...

— Ухо, ухо, смотри! — взвизгивал Серёжа.

Через минуту Лёвка торжественно шагал по улице. Рыжий кот острыми когтями царапал ему шею.

Серёжа, весело подпрыгивая, говорил:

— Отделает он тебя здорово! Да ладно, терпи уж!

— Только б не упустить теперь, — пыхтел Лёвка.

* * *

Мáрья Пáвловна сняла с подокóнника блю́дце, вы́лила из него́ посинéвшее молоко́ и, сто́я посреди́ ко́мнаты, прислу́шалась. Дверь широко́ распахну́лась.

— Вот! — крикнул Лёвка, разжимáя рúки.

Ры́жий пуши́стый ком сорва́лся с его́ грудí и, взметну́в хвостóм, пры́гнул на́ руки своéй хозяйке. Блю́дце с ра́достным зво́ном скользну́ло на́ пол.

— Родну́шка моя... Да как же э́то...

Серёжа шлёпнул Лёвку по спинé. Оба вы́катились за дверь и с визгом упáли в траву́. В мальчи́шеской ра́дости они́ тузи́ли друг дру́га под бока́.

— Нашёлся-таки́... Нашёлся! Уса́тый, полоса́тый!..

* * *

На зелёной аллее рассыпалась бараба́нная дробь. В бе́лых па́намках, с рюкзака́ми за спиной, вéсело шага́ли пионе́ры. По боковы́м доро́жкам, ра́строга́нные и умилённые, торопи́лись за ними роди́тели.

Лёвка вы́бился из стро́я, подпры́гнул и замахáл рукой́ Серёже.

— Смотри́, кто стои́т!

У зелёной калитки, заслонив от со́лнца глаза́ су́хонькой ладо́нью, Мáрья Пáвловна иска́ла когó-то в строю́. Большо́й ры́жий кот, вы́вернув наизна́нку одно́ у́хо, сидéл на забóре.

— Мáрья Пáвловна! До свидáния!

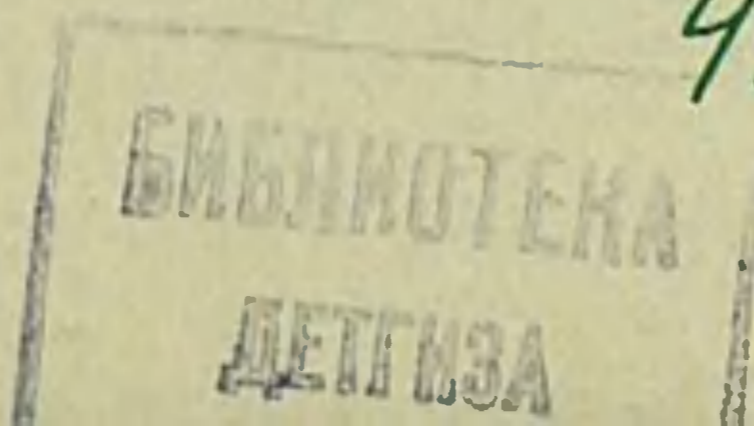
Лёвка горя́чей щеко́й прижа́лся к забóру:

— Мурлы́шечка, до свидáния!

Серёжа погла́дил ко́нчик пуши́стого хвоста́.

48051

СОДЕРЖАНИЕ

У костра	7
Бабка	14
В классе	25
Простое дело	37
Рыжий кот	42

~~4227~~

~~48051~~

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

В 1960 году в серии «Школьная библиотека для нерусских школ» выходят следующие книги для начальной школы:

Кононов А.

ШАЛАШ.

Рассказы о детстве В. И. Ленина.

Автор создаёт образ мальчика — весёлого, общительного, ласкового, с которым интересно играть и сверстникам и взрослым.

Житков Б.

ПОМОЩЬ ИДЁТ.

Рассказы о том, как помогают друг другу люди в беде. «Обвал», «Красный командир», «Наводнение», «Пожар», «На льдине», «Почта», «Как тонул один мальчик», «Пожар в море». В книге дано небольшое предисловие о жизни Б. С. Житкова.

НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ.

Сборник

В книгу входят небольшие рассказы и отрывки из произведений советских писателей — Б. Житкова, А. Кононова, А. Гайдара, Л. Пантелеева, Н. Богданова и других.

Тематика рассказов разнообразна: они охватывают период со времени гражданской войны до настоящих дней.

Гао Юй-бао

Я ХОЧУ УЧИТЬСЯ.

Глава из книги «Я хочу учиться».

Перевод с китайского.

Рассказ о судьбе крестьянского мальчика в старом Китае. В предисловии автор рассказывает о том, как он учился грамоте и писал эту книгу.

Обращайтесь за этими книгами в свои районные и школьные библиотеки и приобретайте их в книжных магазинах и магазинах Облпотребсоюза.

Для начальной школы

Осеева Валентина Александровна

ПРОСТОЕ ДЕЛО

Ответственный редактор А. В. Ясиновская. Художественный редактор Н. Г. Холодовская.
Технический редактор М. Я. Басс. Корректора Е. С. Карташова и Э. Л. Лофенфельд.
Сдано в набор 3/1 1960 г. Подписано к печати 3/V 1960 г. Формат 65×92^{1/16} — 4 печ. л. =
= 4,33 усл. печ. л. (3,17 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 (1—60 000) экз. Цена 1 р. 10 к.
Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.